

The background of the cover is a deep blue, starry night sky. At the bottom, there is a dark silhouette of a forest of evergreen trees. The title is written in a white, elegant, cursive font.

*Песнь о птице
Алконост*

ЕЛЕНА МАШЕНЦЕВА

16+

Елена Александровна Машенцева

Песнь о птице Алконост

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56519078

SelfPub; 2020

Аннотация

Что делать, когда ты оборотень: женщина-гарпия, когда люди относятся к тебе со смесью ненависти и презрения, когда ты потеряла родных в чужой холодной стране? Как быть, если только что обретенному счастью мешают силы, противостоять которым опасно для жизни? Борьбаться, искать ответы и ... найти их в себе самой.

Содержание

Пролог	5
Дорога домой	13
Глава 1	13
Глава 2	60
Глава 3	72
Глава 4	74
Глава 5	82
Глава 6	87
Глава 7	91
Глава 8	97
Глава 9	101
Глава 10	105
Глава 11	112
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Сухой десницей волхв коснется струн,
Проснется песнь, рожденная веками.
И за простыми, тихими строками
Раскроются узоры древних рун.
Хвала пролившим кровь на поле брани!
Рискуя жизнью, смело, без оглядки,
Они увековечивались в схватке
Стальными, смерть несущими клинками.
Хвала другим, тем, кто посмел мечтать!
Им первым открывался свет грядущий.
Далекий, беспокойный и зовущий,
Он дал им крылья, научил летать.
Хвала и тем, кто рисковал любить!
И сеять зерна счастья в склеп утраты.
Они надеждой, верою богаты,
Они учили нас, потомков, жить...

Из песни о птице Алконост.

Вессия; год Великого Предстояния до рождества
Всемогущей и Прекрасной Повелительницы Лады.

Пролог

Он с силой всадил шпоры в устало вздрагивающие бока гнедого, тот захрипел, отмахиваясь от бессмысленных теперь укусов металла. Ни одна, даже самая выносливая лошадь, не сможет выдержать подобного. Три дня и три ночи бешеной, отупляющей скачки. Ни лучины отдыха, ни мгновения на промедление. Ахалтинец передвигался все медленнее, флегматично реагируя на понукания жестокого хозяина. Две подковы потеряны ещё вчера вечером, разбитые о мерзлую землю копыта стесались вполовину. Безжалостно занесенный хлыст оставил кровавый след на взмыленном крупе животного, очередной. Раны сочились медленно, немедля прихватывались крепчавшим к ночи морозцем. Он знал наверняка: скоро жеребец остановится, как вкопанный, и никакими силами его больше нельзя будет сдвинуть с места. Лучше так, чем верная смерть от изнурения, справедливо рассудит животное. Только выхода у Князя не было: с каждым тяжелым вздохом, с каждым новым ударом сердца привычный мир сползал в пугающую бездну, в последней тщете цепляясь за острые края ледяных скал. И от неровного шага пегого жеребца зависела теперь не только жизнь хозяина, но и две другие... «Боги, помогите им», – шептали высушенные потрескавшиеся на ветру белесые губы, шуйца мертвой

хваткой сжимала режущую кожу поводей. Десница слилась с рукоятью меча, готовая в любой момент дать отпор невидимым врагам. Потом, много позже, когда ему, теряющемуся в бреду, растолкуют, что сжимать меч больше нет нужды, и по-одному разомкнут одеревеневшие пальцы, кожа, намертво прикипевшая к рукояти, сизой коркой так и останется на ней. Но если бы кто-нибудь сейчас дал хоть единую надежду, он с радостью...

И так дни и ночи, без еды и питья. Отряд конников, сопровождавший своего Повелителя, безнадежно отстал ещё за Лысыми Холмами. И теперь он один на один сражался с усталостью, мертвящим холодом, зудящей болью и страхом. Страхом, который полз во все уголки души, глушил скребущую горло жажду. Гулко и тяжело, как литой пудовый колокол, билось сердце: «Успеть». Обжигающие льдинки впивались в открытые участки тела, мешали моргать. Он разрывал липкий лед на веках, выдирая с ним ресницы. Чуть теплившаяся кожа упрямо пыталась растопить твердеющую корку, но мороз был сильнее. Много сильнее. Волчья пора. Летучая поземка клубами стелилась по земле, путалась в заплетающихся ногах ахалтинца. Метель только начиналась, и краем сознания он понимал свой конец. Вот сейчас разлившаяся по небу мгла накроет его кусачим пологом и станет темно, словно в погребке. Некуда будет скакать. Надо искать укрытие. Пелена усталости и отчаяния мешала видеть, но Князь узнавал эти места: ошую Дыбна и Стержень, а до Оркреста

еще ночь пути. Одна-единственная. Так мало и так много! А врагам хватит и нескольких мгновений, чтобы лишить его всего! И о чем он только думал, когда отправлялся в этот злополучный поход! Думал, что сумел все предусмотреть. А потом страшная крошечная сила разметала его войско в пух и прах. В тот момент он понимал: так было надо. Магия утекала из рук, словно разбившая оковы хрупкого весеннего льда клокочущая жизнью речка. И вот он вновь просто человек. Всего на несколько дней и ночей. Если б знать раньше, что за цену придется заплатить!

Жена осталась в городе под охраной верного брата. Непреступные стены Оркреста оградили бы их от врагов: абсолютно непреступные – ни маги, ни, тем более, кучка степных кочевником противостоят им не смогут. Древние камни хранили первородную магию, волшебство, недоступное никому из известных Повелителю. Даже ему. Да, отвечали на просьбы, окутывая округу легким зеленоватым свечением, видимым лишь в туманные ночи, но законный наследник престола вряд ли мог поручиться, что полностью подчиняет их магию себе. В душе теплилась последняя слабеющая надежда: источник силы услышал таки его зов и откликнулся. Мать сказывала, как сотню зим назад далекий пращур так же спас столицу от магического удара, сумев активировать защитные силы стены прямо из далекого Сайнона. О, что бы он отдал теперь за это! Мгла сгущалась, где-то протяжно и тоскливо, словно в последний раз, завывала стая волков. Они

предчувствовали особенно холодную ночь, особенно долгую метель. Тимир только покосился на свои окоченевшие руки. Уже не болели, как раньше, а только глухо ныли. Кончики пальцев из багряно красных медленно становились сизо-белыми. Только бы успеть. Предчувствие шевельнулось в сердце холодной змеёй. Оно ещё никогда не обманывало Повелителя, сберегая жизнь в самых кровавых сражениях, заставляя опасаться самых, казалось бы, верных соратников. Но сейчас Тимир надеялся, что где-то, за много миль отсюда, замок постепенно засыпает, один за другим гаснут огоньки свечей в окнах, а его преданная жена печально вглядывается в заснеженную долину и читает молитву о нем, скрестив на округлившемся животе теплые тонкие пальцы. О, пусть так все и будет! Если в уголке слепнувших глаз и появилась слеза, то вскоре замерзла, смешавшись с первыми колючками метели. «Вот и все», — мелькнуло в голове. В зарождавшемся стоне пурги слышался ему хохот ведьм. Тимир знал, что эту ночь ему не пережить, знал он также и то, что не остановится, не станет искать укрытие, не сможет спокойно сидеть, чувствуя, что где-то там его нерожденный сын и жена подвергаются смертельной опасности. К волчьему вою примешался другой, низкий, незнакомый. Кто это был? Змея в сердце тревожно подняла гладкую, блестящую голову, прислушивалась, но не узнала. Незнакомцу вторил похожий, только совсем в другой стороне, намного севернее. Тимир криво усмехнулся и подумал, как теперь он станет на

удивление легкой добычей. Самый выносливый скакун Вессии тревожно заржал. Грива животного на глазах обрастала льдом, побрякивала на ветру. Спустя мгновение очумелый от усталости и не на шутку испуганный конь налетел на безобидный обледенелый холмик и обиженно мотнул мордой, наклоняясь к земле и вырывая у седока поводья. Сбился с вымученной иноходи, захромал ещё сильнее. Тимир, казалось, не обращал на это внимания, из последних сил пытаюсь в белесом пространстве, заполненном снежными осами, различить очертания Оркреста. Ногами ощутил волну боли, прокатившуюся по телу несчастного ахалтинца. «Может, так лучше, – отрешенно подумалось всаднику. – Умереть здесь, заснуть под теплой всепрощающей периной и разлепить веки только весной, когда с могильных курганов схлынет мутная снеговая водица. Лучше так, чем узнать о них...». Из-за начинающейся метели махрово- черная пуща на горизонте стала почти не различима, а холод из врага постепенно превращался в союзника, усыпляя и примиряя. Он закрыл глаза. Порыв ледяного ветра заставил ссутулиться, спрятать шею в высоком меховом вороте. Мокрое крошево свалилось за шиворот. Скоро это совсем перестанет его волновать. Неожиданно воцарилась напряженная тишина, словно на глаза и уши разом натянули тяжелую шапку из толстошкурого веретенника. Друг или враг? Змея сверкнула зелеными глазами и застыла, тревожно стрекоча – плохой знак. Тимир разглядел за снежным маревом маленькое черное пятно, маячившее у

чернильно-размытой кромки леса. Оно приближалось, разделяясь на пять ещё более крохотных. Всадники скакали навстречу. Не увидел, а только почувствовал: впереди брат. В глубине души плеснулась радость спасения, но тут же сменилась полувоем-полустоном. Это могло означать только одно – беда. Змея была права. Он больше не мог сдерживаться, уткнулся в ледяную гриву коня и тихо застонал. Гнедой почувствовал щемящую, безбрежную тоску хозяина, постепенно замедлился, а потом и вовсе встал, как вкопанный.

Когда всадники приблизились к Князю, на суровом лице Повелителя нельзя было различить даже следов боли. Только бесчувственная маска. Он смотрел на них из-под густых черных бровей бесцветными глазами, пугающе безразличный, всемогущий и бессильный одновременно. Всадники немедленно спешили и упали перед Повелителем в колючий аршинный сугроб. Владимир первым поднял голову, стараясь не глядеть брату в глаза.

–Повелитель!

–Говори, – выдавил Тимир бледными потрескавшимися полосками губ. Сгорбился. Он знал все, что скажет ему брат, и это непосильной ношей ложилось на плечи, мешало дышать.

–Утром Лилит выехала в Мокрые Прилуки. Я дал ей самых опытных магов с сопровождение.

–Где был ты?!– словно раненный медведь заревел Князь.– Как ты мог отпустить её одну?

—Я виновен, Повелитель,— Владимир поспешно склонил голову. В груди гулко колотилось испуганное сердце. — Лилит велела мне остаться в Оркресте и закончить обряд... В том, что случилось с ними виноват только я. Не удержал. Должен был. Но она не хотела никого слушать...

—Что с ней?!

Всадники, казалось, хотели ногами врасти в мерзлую землю, даже не шелохнулись. Крик заглушил рев ветра и вой волков, он казался невероятным в изможденном теле Князя.

— Гарпии. Они напали на западном склоне, ближе к тролльей границе...

Повелитель ждал, стиснув зубы.

—...никто не уцелел.

И только после этих слов ноги отказали, словно порвалась последняя из размохрившихся веревок, сдерживающих тело в седле, и Тимир стал медленно соскальзывать в сугроб. Руки брата поддержали его у самой земли, не дали упасть, согрели теплом безграничного сочувствия.

—Гарпии скрываются в западных землях, брат. Наворопники бают: видали их на склонах Темных гор, близ Священной Ложбины.

Князь медленно стянул меховую шапку, скрывая от всадников лицо, незаметно смахнул мокрой веретенкой одинокую слезу. На плечи ему упали длинные волосы, мерцавшие в свете луны холодным серебром. Всадники невольно покосились на совершенно седые пряди, но опасливо промолча-

ли. Они не увидели в глазах Повелителя ни страха, ни боли утраты, в который раз уверившись в том, что у Тимира «каменное сердце».

– Уничтожить всех, – коротко приказал он сквозь сжатые зубы.

Дорога домой

Глава 1

– Каддар, Енк! Сдается мне, что эта уродиха все-таки издохла, – обрюзгший тролль просунул через прутья решетки щетинистую морду, громоподобно сморкнулся раскатыстым эхом и опасливо принюхался. Не знаю, как бдительный тюремщик пытался утвердиться в своем предположении, тем более мое безвременно почившее брэнное тело врятли успело бы стухнуть в такой холодине. Лежать следовало без движения, пусть тролли и отличаются глупостью, но не наивностью же. И лежала, да так, чтобы никто не заметил коротких неровных вдохов. На счет Енка не волновалась, за месяц, проведенный в темнице, успела понять: кто есть кто в моем стремительно сузившемся мирке. Безобидный увалень Енк был слишком молодым и не совсем благонадежным, потому как тайно потворствовал пленнице, подкармливая костлявые тела плохо пропеченным хлебом из неизвестных горьковатых злаков. Иногда, косясь в сторону гулкого коридора, подсовывал под прутья решетки темное мясо, смахивающее, однако, на позапрошлогодную, успевшую истончиться до абсолютного обезвоживания крысятину. Но в моем по-

ложении особенно выбирать не приходилось. Официальная кормежка случалась ещё реже: раз в два-три дня. Всего двенадцать раз. Только чтобы не сдохла от истощения. Сырые гранитные стены промерзали насквозь, даром что шириной в три локтя. В крохотной (не дай боги, ещё плечи расправит) клетке – одинокая постель, точнее, каменная седалище с подобием одеяла. В него и приходилось кутаться, чтобы хоть как-то согреться. Получалось плохо: сырая мешковина нацелилась извести пленницу единственным имеющимся у неё в арсенале способом, брезгливо отказывая мне в сохранении тепла. Она досталась мне по наследству от четвертованного на днях военного предателя, и всем своим видом выражала безразличие к местным узникам и скорбела по поводу доставшейся на её долю презренной участи. По всему видать, в этой камере годные к перевоспитанию не засиживались. Казалось, заключенных здесь медленной мукой превращают в камень. Я уже не чувствовала редких трепыханий сердца. Менять ипостась не давали, прямо на глазах у пленницы подмешивая в воду отвар из икол-травы, били плетками до багряных, опухающих рубцов на прозрачно – бледной коже. Часто, подолгу. Пока я не теряла сознание. Но кровь не шла, а только вяло мазалась по саднящим язвам. Я пыталась вымолить правду у своих мучителей, мыча пересохшими губами про ошибку, но тролли молчали, тупо выполняя приказы неведомого душегуба. Сестер я не видела. Вслушивалась в пронзительную тишину и соображая: где они. Но не

уловила ни одного крика или стога, чтож, это хорошо. Или не хорошо. О втором старалась не думать. А в какой-то момент поняла: если не сегодня, то никогда. Слабость накатывалась, как снежный ком, ещё немного, и не смогу связно соображать. Почему меня мучили в абсолютном молчании, не допрашивали, не говорили о вине?

—Глянь-ка, шо с ейтой гадюкой. Уж больно тихая,— с сомнением пролепетало волосатое чудовище и крепко наподдало мне в бок острием поржавевшего от тихой непыльной работенки копья.— Нечисть или нежить?! Не русалка, не кикимора, не упырь.

—Оборотниха,— Вяло констатировал молодой.— Птицей, вроде, умеет. Только в наших краях такие отродясь не встречались. А на Старофадских островах есть. Мало, правда.

Надо же, заговорил. Он вообще то молчаливый, этот Енк. Жалел, видно, но помочь не спешил. Оставалось надеяться на то, что и помешать не захочет, пусть даже из жалости. Получилось бы! Помоги мне, Зевс.

—Всех вовремя перебили,— одобрил старый тролль и спохватился.— А ежели и эта издохла?

Усилием воли я превозмогла подступивший к сухому саднящему горлу больной кашель, постаралась не выдать себя, упрямо концентрируясь на том месте, где стоял тюремщик. На слух получалось хуже. Прежде выручало зрение.

Енк равнодушно зевнул и сделал неутешительное предположение. Неутешительное только для кошелька старшего,

обольщаться не стоило. Начальник охраны поспешил обернуться к сослуживцу (кажется, я даже видела воочию, какие несуразные гримасы сопровождали мыслительную активность мохнатого чудовища), смачно почухался и срыгнул, распространив по тесной коморке вонь перебродившего обеда.

–Махар! Сдыхлик неумиручий! Так я и знал! Всего то седмицу,– обиженно запричитал тюремщик.– Какую-то седмицу пережить. И на тебе, курица костлявая, издохла! Каддар! Я ж у них был первым кандидатом на должность палача! А там отпуск целых две луны, полное довольствие и свободный график работы! Да ещё эти, как их там?

–Премияльные,– сплюнул младший.

–И бесплатные обеды,– мечтательно хрюкнул тролль.

А на пути у всего этого великолепия сморщенной реликтовой окаменелостью мешалась гарпия!

–Ну, ка, проверь её, – с робкой надеждой протянул старший.

Только не это. Пожалуйста, нет. Только не Енк!

–Не-е-ет, я туда не полезу,– опасливо заключил молодой тролль, отлынивая от ответственности на правах менее опытного и вовсе не заинтересованного в премиальных сослуживца. По звуку глухих ударов я поняла, что препирались они довольно бурно. Наконец лязг стали о прутья решетки прекратился, тролли вымученно сопели. Ох, как хотелось подсмотреть пусть даже одним глазком, но действовать

приходилось в прямом смысле вслепую. Затаиться и ждать.

– Да ты её боишься! – с издевкой констатировал молодой.

– Чтоб тебе зенки вороны повыклевывали! И как ты смеешь, гномья лепешка, такое говорить? Да я с семи зим уже в сражениях участвовал, дракона голыми руками задушил, когда ты ещё на лежак писал! – оскорбленно сплюнул соплеменник и с нарастающим сомнением затоптался на месте, проверяя острие копья на надежность скрюченным когтем волосатого мосластого пальца. Но дело было сделано, и, хочешь не хочешь, а за слова придется отвечать. Я прямо таки видела на лице Енка выжидательную полуулыбку-полуухмылку.

Про подвиги с драконом я и сама слышала не раз, да только верилось с большим трудом. С таким гипертрофированным чувством самосохранения, как у этого хвастуна, на драконов не ходят, скорее, контролируют течение боя с безопасного пригорка в компании бродячих менестрелей. А закопченный драконий коготь, который вояка неоднократно с гордостью демонстрировал окружающим, приобрел, наверное, по случаю у какого-нибудь сумасшедшего рыцаря. Возможно, он думал, что и теперь самым лучшим будет оставить все так, как есть, но должность не позволяла. Заставить Енка не получилось, и старший по охране обреченно заскрежетал за совами, с показательным пренебрежением отчитывая отрока за трусость. Сейчас все на самом деле зависело от моей ловкости и собранности, добровольной голодовки в течении су-

ток и результата жалости Енка. Только бы удалось обернуться! На пороге тролль застыл в последний раз, нервно потянув носом сырой плесневелый воздух. Осторожничал. А потом, хвала Зевсу, направился в мою сторону, волоча по полу копьё. Какую опасность могла представлять слабеющая с каждым часом, изможденная девица старому, закаленному в боях с первородными драконами, опытному вояке? Та, которую морили голодом, заставляли спать на морозе, которую нещадно били тонкими посеребренными плетьюми, выкручивали руки, ломали пальцы «тимировыми перчатками». У меня осталась только злость. Только огромное желание выжить и бежать из этого каменного Тартара.

–Кажися, дышит,– неуверенно пробормотал охранник, прорываясь склониться надо мной. Две горячие маслянистые капли пота скатились с мохнатого носа и плюхнулись на умиротворенное «вечным сном» обескровленное лицо узницы. Как же тяжело было не поежиться, не напрячься, никак не отреагировать на смердящий «душ». Собралась из последних сил и почти перестала дышать.– А можа, и нет.

Тролль медлил, внимательно разглядывая внешне неподвижное тело. Мечтал, верно, оказаться дома. Подальше от не пыльной, высокооплачиваемой, но местами, опасной работы.

–Вот тварь. Воня какая! – Почти видела, как брезгливо скривилась его волосатая морда. На себя бы посмотрел! Услышать такое, и от кого?

Троль, наконец, решился и стал склоняться надо мной, подставляя щетинистое ухо туда, где по его предположению, должно биться сердце у гарпий. Это движение решило все. Ждать и медлить в надежде на удачу не было смысла. Время работало против меня. Внизу живота прокатился знакомый неприятный холодок, спина и сломанные пальцы неистово зачесались. Хвала всем богам, я смогу... Превращение происходило очень медленно, гораздо медленнее, чем обычно. Но троль все равно понял это слишком поздно. Только и успел натянуто охнуть и захрипеть, когда мои когти с силой вонзились в теплую кожу соперника. Поломанные кости пальцев выгибались почти в обратную сторону, причиняя неистовую боль (Тимировы перчатки поработали на славу). В разорванном горле охранника глухо забулькала кровь, вязким фонтаном освобождаясь из тесной оболочки. Он замер, округлившимися глазами смотря на мои лапы, сквозь которые победно сочились пульсирующие струйки. Он не сделал попытку остановить пленницу, только зажал горло и безвольно повалился на каменный пол. Я кровожадно улыбнулась, заставляя оторваться от вида такой живой, такой теплой крови и зыркнула на Енка. Неужели придется? Молодой троль застыл прямо напротив двери, загораживая собой весь проем. Захоти он, и у меня останется слишком мало шансов на спасение. Возможно, адреналин поможет и на этот раз, но любая задержка неминуемо сыграет на руки преследователям. В полумраке темницы глаза троля светились

холодным зеленоватым блеском. И, клянусь своими перьями, в них не было страха! Мгновение, ещё. Я медлила, а промедление близило неминуемую и, наверняка, апофеозную в своей жестокости расправу. Ещё мгновение и Енк, очнувшись от коматоза, немного посторонился: дорога была свободна. Уже проскальзывая мимо, я пребольно саданулась о косяк, ругнулась и запоздало подумала, что сейчас он легко мог бы сбить с ног или хорошенько приложить увесистым копьём незадачливую беглянку. Уж сильно положение благоприятствовало. Тролль не спешил выслужиться перед хозяином. Напротив, почти миновав кованые решётки, вдогонку услышала тихое: « Ошую беги, до развилки. Потом опять ошую. Там коморка за железной дверью, спрячься в ней». Довериться или нет, вопрос не стоял. Когда я скрылась за поворотом, Енк зычно затрубил на помощь.

Туннель казался бесконечным. Так, где же эта развилка? Каддар, он меня обманул! И почему в темнице такие тесные коридоры? Совершенно невозможно расправить крылья. Хвост, вялой плетью болтавшийся сзади, норовил намертво увязнуть в каждом уступе. Лапы, взявшие слишком резвый старт, потихоньку, с непривычки, стали отказывать, заплетались и спешили подвернуться. В этой ипостаси они были самым слабым звеном, совершенно не расположенным к бегу. Я же, все-таки не страус и даже не курица! «Зачем гарпии бегать, если летают они стремительнее ветра», – справедливо рассудили боги, оказав мне, как выясняется,

медвежью услугу. Менять ипостась на бегу – плохая затея. Тем более мои девичьи ноги после стольких дней изнурительной голодовки врятли окажутся намного сильнее, а каждая смена личины неминуемо крадет у тела такие ценные сейчас силы. Да и неизвестно, что может ожидать меня за углом. А за углом меня ожидали и не с цветами, надо сказать. Мы отскочили в разные стороны одновременно: я и грозный преследователь с увесистой дубиной и в поварском колпаке. Он, видимо, считал себя храбрым и незаменимым малым, раз так решительно выскочил на истошные вопли тюремщика. Но при виде разъяренной полуженщины-полуптицы с длинным львиным хвостом и изуродованными пытками синими когтями похвальная решимость как то поубавилась, если не сказать, напрочь испарилась. И вояка уже значительно более теплым взглядом обратился к спасительной двери кладовой, откуда бесстрашно вынырнул меньше щепки назад. Но сделать вид, что он слепой или, на худой конец, блаженный, у него уже врятли получится. Я это понимала, и он – тоже. Выбор за мной. «Ох, как я не люблю убивать», – отрешенно подумала я, замахиваясь на «противника». Тот как-то по-своему понял мой жест, с готовностью оруженосца протянул заготовленное оружие, оказавшееся, не больше, не меньше, чем вепряным копченым окороком. Чтож, этот поворот в корне менял дело: несильного удара в лоб хватило, чтобы поваренок аккуратно сполз по стеночке на пол. Каддар! По такому маячку меня найдут быстрее, чем сонно-

го упыря в редком лесочке. Дверь в кладовую призывно закрипела, и я решилась. Пару метров преодолевались чуть ли не дольше, чем четверть стрелища по коридору. Поваренок оказался на редкость упитанным и даже аппетитным (боги, до чего я докатилась!), особенно если учитывать мое нынешнее положение. Будем надеяться, после него на полу не останется неестественно чистого следа. Так как выяснилось, что убирать башенные тоннели поварятами выходит хоть и не очень быстро, зато на порядок тщательнее обычной метелки. Когда за нами захлопнулась тяжелая кованая дверь, по коридору, эхом сочувствовавшему преследователям, пронеслась галдящая свирепствующая толпа. Они громко материли троллю праматерь на чем свет стоит. Я постаралась слиться со стенкой в маленьком темном помещении, краснея от обещаний, примеряемых, как же иначе, на себя. Толи из-за холода, толи от перенапряжения, но зубы колотились с пугающей громкостью. Стоило им только прислушаться, и моя участь была бы решена. Слава богам, они оказались не столь смекалисты. Крики, трехэтажная ругань и топот возникали ещё пару раз. Точнее, пару раз поблизости от укрытия. Поиски беглянки продолжались довольно долго, но в сторону кухни больше не направлялись. Постепенно я уверилась, что меня окончательно потеряли, и позволила себе немного расслабиться. Значит, не сдал. Вытерла липкий пот со лба, расправила затекшие крылья.

Кладовая оказалась даже крохотнее, чем выглядела по-

началу, и делить её мне приходилось с довольно крупным малым. Малый, кстати сказать, проявлял чудеса смекалки. Выглядел совершенно нежизнеспособным, хотя сомнительно, что после, прямо сказать, не ахового, пинка он так и не пришел в себя. Тем временем, холод клетки по сравнению с холодом нынешнего укрытия начинал казаться мне избыточным теплом после проруби. Если раньше здесь располагалась тюремная камера, то какая-то больно милосердная: пленник промучился бы не больше шести лучин. Глаза наконец таки привыкли к плотному полумраку. Разгадка оказалась более чем банальной: мы прятались в леднике. Вот тебе и махар раддец! Все-таки Енк оказался изощренным мерзавцем! Бежать из клетки, чтобы закрыться в леднике – глупо. И если это был его план, то, отмечу, не удачный. Хотя... Кому придет в голову, что беглянка после кровавой резни притихнет практически в двух шагах от места заточения и не где-нибудь, а в обществе копченых окороков и душистого сыра. От одурманивающего запаха еды желудок настойчиво запротестовал, решив, что страхам пора потесниться. Заурчал. Рот, не взирая ни на что, стремительно наполнялся слюной. Махар! Ну и нелепо же я выглядела, до отказа набивая жвальца влажными плесневелыми кусками, облизывая лапы, чавкая и прикидывая, что откушу через мгновение. Вкуснотища! Даже если меня сейчас поймают, я не останусь внакладе, по крайней мере, нахомячусь на неделю вперед. И пусть воспоминания о щедром ужине скрашивают жалкий остаток

жизни. Когда показательная отрыжка сигнализировала о донельзя набитом желудке, я стала развлекаться тем, что зачерпнула из кринки жирную сметану и, недолго поразмыслив, скульптурно извадюкала безмятежное лицо пленника. Седые усыки, надо сказать, смотрелись вполне органично, добавляя молодому лицу некую солидность и, как не странно, трогательность. Я немного отстранилась, тщательно прикидывая следующее движение, и доработала строгую философскую бородку, оставшись вполне довольной полученным образом. По крайней мере, двойной подбородок так почти не заметен. Поваренок являл собой совершенно умиротворенную картину, полностью доверившись руке мастера. Не часто на моем пути встречаются такие покладистые личности.

Съеденная пища зависла в желудке пудовым камнем. Неужто, чего доброго, я отдам концы от банального передания. На пессимизм ситуации живот отреагировал вполне ожидаемой тянущей болью: большая порция сухомятки, да ещё в моем незавидном положении. Мгновения складывались в щепки, те в пугающие лучины. Идея закрыться в леднике совсем не казалась мне безупречной. Что же дальше? И каков был первоначальный замысел? Неужели Енк оказался настолько коварным стратегом? Я даже немного позавидовала его находчивости: без риска здоровью через пару-тройку лучин услужливый тролль имел все шансы вытянуть в бесполезное уже тепло коридора окоченевшую мумию одного из самых опасных хищников на земле. Небось, уже дыроч-

ку для ордена в камзоле сверлит. В моем же положении выбирать не приходилось, оставалось только ждать, надеясь на нового сообщника и удачу. А могла ли я довериться Енку полностью?

В мирном посапывании поваренка было что-то идиллическое: замерз ведь не меньше моего, но упрямо изображает летаргический полудрем.

–Слышишь,– на мой пинок парнишка только бровью повел.– Если покажешь безопасный выход, я тебя отпущу.

Молчание одеревеневшего отрока можно было с некоторой долей натяжки принять за ответ.

–Честно. Обещаю,– уже более миролюбиво добавила я и в знак серьезности намерений прижала когтистую лапу к груди.

–А не съешь меня?– решил тактично опасливо отреагировать поваренок.

Да уж, неужели сцена моего долгожданного чревоугодия выглядела настолько ужасно?

–Только если кончатся окорока, – не удержалась я от сарказма.

Паренёк метнул взглядом по сторонам, немного успокоился: пару лучин, по всем пессимистическим подсчетам, его жизни ничего не угрожало. И только потом позволил себе подняться на локтях, поплотнее запахнулся в тулуп. Тусклый, многократно отраженный свет коридора, лучившись в щель под дверью, делал его лицо похожим на гримасу умерт-

вия.

–А зачем ты меня сметаной сдабривала?– вконец расхрабрился испуганный вояка.

–Да не бойся ты так,– постаралась придать голосу как можно больше искренности.– Я сметану терпеть не могу.

Парень заметно порозовел и, наконец, расправил затекшие плечи.

–...вот если б это был томат...,– мечтательно закончила хищница и многозначительно поскребла у себя по горлу лезвиеподобными когтями. Для остратки.

Он заметил и поежился, не на минуту больше не упуская из вида уязвленных лап. Зрелище, надо сказать, действительно завораживало: толи тигриные, толи орлиные лапы, с пугающими, неестественно длинными, синеющими смертоносными лезвиями, а теперь еще без труда выворачивающиеся в любую сторону благодаря изощренной фантазии палача. Говорят, что у гарпий сниженный болевой порог. Не знаю, какой уж там болевой порог у людей, но эти пытки даже я выносила на грани сознания.

–Болит?– участливо поинтересовался паренек.

Вот уж не ожидала. Неужели он и впрямь сочувствует?

–Не очень.

На самом деле, все было более чем плохо. Шрамы на теле глухо ныли от застарелой боли и вымученно чесались. В кровь попало заражение, так как вот уже третьи сутки я чувствовала, что организм пытался бороться, повышая темпе-

ратуру. Не менее раза в день теряла сознание. Да ещё «тимировы перчатки». Слышала, как палачи нахваливали их волшебное действие, буквально сламливающее волю подопытных. Куда там не вопить, когда под девичьи ногти искусно загоняют длинные ржавые иглы, играют, проверяя тело на податливость раскаленным тупым гвоздям, внимательно наблюдают за реакцией и делают пометки в прошитом аккуратными стежками журнале. Из кожи бывших пленников, надо полагать – зачем же добру пропадать? А потом железные оковы и замедленный хруст поддающихся суставов. По одному. Регенерация принялась за дело тут же, но я меньше всего радовалась ей. Ведь исковерканные пальцы заживали не правильно. А улыбчивые старательные палачи только довольно косились: праздник мучителя – вечная пытка! И теперь, чтобы все исправить, придется ломать кости заново. Полгода мучиться придется. Дождаться, когда заживут, а потом, фиксируя лубками, выправлять по одному. Можно, конечно, сразу все, но тогда без помощи не обойтись. Да только в этой неудобной холодной стране я, похоже, осталась совсем одна.

–Так как, – вяло поинтересовалась я,– жить хочешь?

Дважды паренька просить не пришлось. Он, выказывая добровольную и самоотверженную заинтересованность, с готовностью кивнул. Я усмехнулась, тыльной стороной лапы вытерла намалеванные усы, и облизнулась последним предупредительным жестом: «Не вздумай подвести!». Поваренок

вздрогнул, машинально уворачиваясь от синих когтей.

– Тут кухня недалече. И выход на двор. Они, – заблеял он, кивая на железную дверь, – давно уже там все облазили. Замоккли, значит, следов не нашли. Покои хозяина наверху. Думаю я, тролли нонче там, решают, что делать будут. На кухне только Шила и Буза. Но они тебе не враги.

Странно, неужели в этой тюрьме есть кто-то, кто окажется «не врагом». Стены, и те дышат затаенной жестокостью и злобой. Ещё я ощущала неясный кисловатый запах, заставляющий желудок скручиваться от тошнотворных позывов. Так может пахнуть только черная магия. Пусть гарпии не обладают магическими способностями, но одного у нас не отнять: магию мы чувствуем на расстоянии всем нутром, кожей.

– Тебя-то как звать?

– Рашаль. Я – помощник повара буду. Почитай, целую луну тут работаю.

– Луну, говоришь, – это хорошо, – рассеянно заметила я и с опаской покосилась на железную дверь. – Где мы?

Самый простой вопрос привел мальчика в замешательство. Он, что называется, во все глаза вытаращился на недогадливую пленницу и с сомнением процедил:

– А ты, никак, не дозналась ещё?

Куда уж мне, глупой птахе! Ведь даже спустя столько времени я не успела осмыслить: за что?

– В темнице Повелителя.

Шепот сошел на нет в почти священном трепете. От нехорошего предчувствия зачесалось под ложечкой, поломанные суставы вновь обреченно заныли.

–Каддар! Тролля праматерь! Махар раддец! За что?!

Парень уже не стеснялся, ошалело разглядывая незадачливую преступницу.

–Ты убила жену Князя. А она ещё непраздная была,– безликим шепотом добавил мальчишка, не понаслышке знакомый с тролльим языком.

Липкий от ужаса пот пропитал рубаху на спине. Нехорошие предчувствия меня не обманули. Насколько я слышала о властелине этих земель, удивительным было не то, что меня молчаливо пытали в застенках, а то, что после таких обвинений я вообще была жива!

–Пусть Зевс собственноручно выщиплет мне перья, но это была не я,– оправдываться перед пареньком не было смысла. Сама не знаю, почему я так поступила.– Собирала травы для сестер, когда на меня набросили магические сети. Ничего не понимаю. Это ошибка! Ни я, ни мои сестры не могли причинить никому вреда!

Как давно мне не приходилось общаться с кем-то, кроме сестер! Со стародавних пор гарпии держались особняком, не вмешивались в дела людей. А люди по-привычке додумывали то, о чем наверняка ведать не ведали. Но разве можно судить несчастных за проявление их же природы? Как много «выяснили» мы про себя! Нечистоплотные, жадные, урод-

ливые, приносящие плохие вести – какие только эпитеты не летели вдогонку. Мать рассказывала, что как-то она с сестрами решила выполнить поручение богов и, заодно, немного проучить талантливых выдумщиков. Тот случай с Финеем стоил нашей репутации особенно дорого. «Ужасный смрад, говорите? Будет вам смрад!» Вымазались в нечистотах и, раз за разом, отбирали пищу у старца. Чтож, результат был ожидаем: страдания возвели подслеповатого пророка в ряды героев-мучеников, а гарпии навсегда остались в исторических хрониках как уродливые, зловонные и алчные. Зря они так пошутили. После глупой проказы остановить волну людского сквернословия стало невозможным. Да, мы привыкли к несправедливости, но, боги, отвечать за чужие преступления....

Паренек внимательно изучал смену настроений на моем лице, делал выводы. Выглядела я, надо сказать, более чем растерянно. После обвинения в убийстве Лилит преступницу ни за что не выпустят живой из застенков. Оправдываться бесполезно. Ведь гарпии – «известные» лгуны. Смертный приговор уже подписан Тимиром. А затишье за стеной всего лишь уловка. Верить нельзя никому! И гораздо ж я была попасть в такую ловушку. Махар раддец!

–Постой, неужто ты и впрямь тут не причем?– парнишка ссутулился, пытаясь заглянуть мне прямо в глаза. А потом выпалил уже совершенно неожиданное.– А ведаешь ли? Я так и думал! И не только я,– подытожил он с гордостью. –

Многие так бают.

Я сжала кулаки – не разрыдаться бы! Поваренок потупился и сквозь зубы процедил:

–Тимир – жестокий тиран. Когда погибла Лилит... Говорят. Болтают меж собой тролли, никто ни разу не видел его слез! Ты не думай, в Вессии не все считают так, как он.– Металлические нотки придавали юному баритону решимости.– Только чего мы можем? Тимир – самый могущественный маг в стране. Ему помогают даже Древние Стены Оркреста,– добавил он шепотом.

Слезы, теплым потоком подступившие к горлу, так и не вырвались наружу. Это откровение не прибавило мне оптимизма.

–Я выручу тебя,– заговорчески пролепетал юноша, ласковым взглядом отогревая замерзшее сердце.– Навороп пойду и узнаю, когда безопасно станет. Лучше пробраться через запасную дверь на кухне. Потом, попозже.

И опять я решила довериться незнакомому человеку. Поверила, с благодарностью кивнула новому другу. А ведь ничего не помешает ему, освободившись от моего присутствия, выдать охране беглянку. Да только слова, ворошившие зыбкие надежды, звучали так искренне, что хотелось верить. Ещё раз, в который раз...

Рашаль, заручившись моим доверием, осторожно поднялся на ноги. Придирчиво удостоверился, что они не потеряли способность гнуться, и максимально неслышно подкрался к

двери.

–Постой, а кто «хозяин»? Неужто, сам Тимир?

–Нет, – парнишка шикнул на меня, поднося указательный палец к губам.– Тимир, кажись, совсем плох. Сначала в своем замке отлеживался, а теперь к войску возвратился. Владимир за него. Брат младший. Он ничего, нормальный. Но договариваться с ним я бы все равно не стал: брат все-таки.

За дверью послышалось короткое шушуканье, мы переглянулись, но тишина восстановилась, и странные звуки были малодушно списаны на приступ неконтролируемой паники.

–Жди...– только и успел пискнуть Рашаль, когда железная дверь с лязгом распахнулась, отбросив его на полки с сушеными травами. Я подскочила, утробно закричала раненой птицей и кинулась в проем, а прочная магическая сеть, в свою очередь, намертво прищипила крылья к ледяному полу. Зеленоватое свечение мгновенно лишило возможности двигаться, превращая тело в хрупкий памятник: пошевелишься и – пеняй на себя. Рашаль досадливо зарычал и неистово заколотил воздух перед собой. Морок. Я не первый раз видела, как немислимые по своей живости галлюцинации заставляли противников кружиться на месте, пытаясь нанести смертельные удары несуществующему врагу. На такой качественный морок способны только сильные маги. Увы, сеть не давала возможности выручить парнишку. Надеюсь, он догадается молчать и не признается в симпатии.

ях к гарпии. Незнакомый человек, показавшийся в проеме двери, был магом. Почему он так странно смотрит на меня? Почему не спешит сжать сеть? Маг шагнул в тесную коморку и осторожно опустил тяжелую руку на мое чуть вздрагивающее плечо. За его спиной Енк умирлял поваренка. Тихо умирлял.

–Я тебе помогу, – обещание предназначалось мне(?).

Зеленоватое свечение немедленно растворилось, унося за собой ощущение «орла в скорлупе». Плечи расправились сами собой, но неприятное покалывание под мышками осталось.

–Владимир,– от изумления голос мальчика сорвался на сип. Уж и не знаю, чего в этом восклицании было больше: страха или любопытства.

Владимир обернулся на тролля, державшего за шиворот парнишку, и разочарованно уставился на неожиданное «препятствие». Цокнул языком, густые брови поползли к переносице, отчего взгляду теплоты не прибавилось.

–Его придется взять с собой,– виновато констатировал помощник, почесывая лысеющую маковку. Такой поворот явно не вписывался в его планы, если не сказать – противоречил.

–Не трогай ребенка!– и осеклась: как бы мое невольное заступничество не превратилось в медвежью услугу.– Я его в плен взяла. Он ни в чем не ...

Маг задумчиво вздохнул, перевел хмурый взгляд на жалкое подобие человека-птицы и погрустнел ещё больше.

–Идти то хоть сможешь, спасительница? Да не шуми ты, итак все осиное гнездо разворошила.

Недоуменное лепетание было ему ответом. Владимир, похоже, вовсе не собирался возвращать беглянку обратно. Я сглотнула и быстро закивала, боясь поверить удаче.

–Перекинуться бы надо,– неуверенный голос из-за спины мага принадлежал троллю.– Лаз уж больно маленький. Крылья помешают.

Владимир согласился.

–Давай...

Давай, как это у них все просто получается! Перекинуться туда, перекинуться обратно. Я зарделась. Ну, как сказать им, что при превращении из гарпии в человека, на мне не остается никакой одежды, кроме нижнего белья. Слава богам, хоть оно не повреждалось при трансформациях. В образе гарпии тесный лиф, придуманный когда-то сестрами, и коротенькая исподняя понева смотрелись вполне гармонично, не стыдно и перед мужчинами предстать. А вот в ипостаси человека я чувствовала себя в такой одежонке непростительно голой. Не часто противоположному полу приходилось присутствовать при моих трансформациях. Короче, я стеснялась. Владимир ухмыльнулся, будто прочел каждую из сумбура мыслей, и ... протянул свой кожаный плащ. Удивляться или смущаться, словно красна девица, не было времени, о чем многозначительно констатировало багряное лицо Енка на заднем плане. Последнее, что я видела, залезая с го-

ловой в укрытие из тяжелой сурьмяной овчины, были сверкающие от предчувствия приключения глаза Рашаля. Каддар! Лучше бы ему не ввязываться в это!

Девушка из меня получалась вполне ничего: хоть и невысокая, зато стройная, длинная смоляная коса никуда не исчезала и в образе гарпии, как и небесно синие глаза. Правда, талия заметно увеличивалась, а грудь несколько уменьшалась, но это нельзя было назвать недостатком, так как у гарпии и грудь неестественно пышная и талия ни в одни человеческие стандарты не вписывается. Многие считали меня красавицей. На незнакомцев, однако, впечатление произвести не удалось.

—Готова,— бесстрастно уточнил маг и переглянулся с Енком, корректируя только им одним известный план.

На какое-то время повисла зыбкая тишина, нарушаемая исключительно резонансным биением наших сердец да сбивчивым, всхлипывающим от мороза, неровным дыханием Рашаля. Где-то в недрах кладовой раздался приглушенный цокоток крысиных коготков по скользкому каменному полу. Рашаль по-девичьи взвизгнул, тут же схлопотав весомый и звонкий подзатыльник от мага.

—Может, лучше оставим его здесь?— предложил тролль, злобно сверкая недобрым глазом.

—Думаешь, он не сломается под пытками?— невозмутимо уточнил мужчина.

В голосе Владимира я не уловила не намека на шутку.

Парнишка вроде хотел с гордостью брякнуть, что нет, не сломается, но потом благоразумие взяло верх.

–Сломаюсь,— заверил он твердо. Выпучил глаза, сглотнул.— Ой, дяденьки, не погубите. Я ещё так молод. У меня ещё вся жизнь впереди. Возьмите с собой. Я готовить умею и...и...вязать.

–Кого? – ухмыльнулся тролль.

–Кого?— обнадежено переспросил малец.

–Кого вязать?

–А... носочки, господин.

–Носочки,— задумчиво повторил Владимир. – Это хорошо. Это же совсем меняет дело. Кардинально.

Тролль воззрился на него с напряженным непониманием. Владимир в ответ махнул рукой: «Чего уж там. Где трое, там и четверо».

–Тогда пошли.— Благосклонно разрешил Енк.— И смотри у меня, чтоб тихо.

Владимир поднял руку: «Внимание, по моей команде – за Енком». Наша маленькая процессия на полусогнутых пробиралась по сырым и темным коридорам замка. А в голове крутилась только одна мысль: зачем Владимиру помогать мне бежать, да ещё с такими предосторожностями? Ведь Рашаль совершенно ясно выразился, что хозяин здесь именно он. И, тем не менее. Первым шел тролль, зачем-то поминутно колотя коряжистой палкой по заплесневело – мшистым уступам стены. Потом Рашаль (показалось, или его зубы нервно

выбивали барабанную дробь), за ними кралась я, стараясь наступать на ледяной пол только кончиками и без того отмороженных пальцев, и замыкал процессию маг. Почему мне так хотелось обернуться и увидеть ещё раз его глаза? Что хотела я в них отыскать?

В этом крыле съестной запах постепенно сменился другим, совсем не аппетитным. Слышать крысиную возню мне приходилось не раз, но этот цокот показался иным. Руки покрылись гусиной кожей, а каждый волосок на теле предупреждающе встал дыбом. Я невольно застыла, вслушиваясь в пугающую черноту коридора. Маг отреагировал мгновенно.

–Енк, до лаза далеко?– почти выкрикнул он.– Боевые маги! Поисковое заклинание!

Троль рванул вперед, увлекая за собой оторопевшего парнишку. А Владимир пригвоздил меня к полу свинцовой тяжестью руки. До чего больно! Уже приседая, я краем глаза заметила, как над нашими головами просвистел малиновый пульсар. В поисковом заклинании нужды больше не было: отряд боевых магов нашел свою цель. Енк тоже увидел пульсар. И как тут не заметить, когда яркий всполох света разлетелся жалищими искрами, столкнувшись со стеной и выбивая из неё мелочь осколков. Рашаль глядел на нас с плохо скрываемым азартом. Мальчишка! Он даже не представляет, во что ввязался! Маг приподнялся, чтобы легче было лепить защитное заклинание. В двух шагах позади, между нами и преследователями, возник густой молочно-сизый

туман. Он сочился прямо из стен, подтачивал ветхую кладку. Туман скрывал лица преследуемых; а преследователи, по неосторожности попавшие под власть облака, двигались медленнее: нелепо вскидывали руки с разящими сгустками молний пульсаров, вяло гримасничали и разочарованно водили из стороны в сторону головами. Туман возводил спасительный заслон, с болотным чавканьем поглощающий зарево шквального огня, изменял течение времени. Я знала: это ненадолго. Защита будет действовать только на расстоянии, если они подберутся ближе, придется драться, фавн подери, с отрядом боевых магов. Владимир не шевелился. Я знала почему. Именно сейчас, когда зыбкая преграда скрывает от магов застывших в самых нелепых позах беглецов, все более-менее сносно. Но, стоит нам начать двигаться, и тогда туман непременно рассеется. Из моих раскрытых ладоней сами собой поползли когти. Так или иначе, а драки нам не избежать. Владимир медленно повернул голову, увидел мои руки и нахмурился.

—Куда? В бой вступать нельзя. Лучше... молись.

Я затравленно шмыгнула носом и нервно потерла зудящие ладони.

—Кому?

—Всем подходящим богам, дуреха!

Маг пытался шутить, но нам при этом было не весело.

Спасение пришло неожиданно, рука тролля, не на минуту не прекращавшая поиски чего-то важного, покрылась рябью,

как от расходящихся по воде кругов. Енк качнулся, потеряв равновесие и (я невольно взвизгнула) остался без головы, но только на мгновение. И тут же вновь предстал перед нами, довольно светясь потерянной «конечностью».

– Нашел!

Как вовремя! Ибо пространство за нами переливалось тысячей спящих разрядов. От избытка боевой магии у меня свело зубы. Рашаль врос в пол, заморожено наблюдая за приближающимся свечением. Туман обессилено подрагивал, от переизбытка боевой магии пленка «трещала по швам». Я молниеносно кинулась вперед, по пути подцепила упировавшегося мальчишку и, вслед за троллем, бесстрашно и безрассудно сиганула в замаскированный телепорт.

Пространственный тоннель раскрылся перед нами пугающей скоростью, и мы, взявшие хороший старт, вывалились из него даже раньше провожатого. Темнота и тишина на другом конце пути оглушали. Только через время, по привыкнув, можно было различить отдаленный волчий вой. Маг все не появлялся. Енк кряхтел, потирая ушибленный бок, и напряженно вглядывался в сгущающееся пространство за спиной, поглядывая на нас с нескрываемым раздражением. Великан. Он был выше меня почти на две головы. Серая, жесткая как проволока курчавая шевелюра сзади переходила в мохнатую холку. Горба за спиной, как у других троллей, у него не было, только легкая сутулость. А лапы казались такими огромными, что я искренне сомневалась в их возмож-

ности справиться с мелкими предметами вроде ложки. Наконец, телепорт зашевелился, срыгнул и выплюнул на поляну черный клубок. По стремительно теплевшей физиономии тролля мы поняли, что все более-менее обошлось. Владимир поднялся с колен, отряхнулся, с удовольствием похрустел затекшими плечами, запустил руку в волосы и вытянул подозрительно липкий клочок шерсти. А потом с неподдельным интересом уставился на нас.

—Грязновато там,— заключил мужчина, тайком поглядывая в моё декольте. Декольте томно вздыбилось в ответ, в совершенной независимости от воли хозяйки.

Вот уж не заметила! Как-то в голову не приходило жаловаться на пыль, когда по тебе гуляет вымоченная в святой водице плетка. Пусть святая вода ожидаемого эффекта не производила (я все же не нежить), зато неплохо вытягивала раненую спину, попутно добавляя спертому воздуху помещения влажного «комфорта».

—Я телепорт имел в виду. Старый уж больно. Давно не хоженный.

—Будет время, вернемся, приберем.— Огрызнулась я, хотя совсем не понимала, о чем это он. (Грудь, однако, от излишнего внимания спрятала под плащ). На самом деле, полет был таким стремительным, что я еле —еле успела перевести дыхание.

Опасаться, что за нами покажутся преследователи, не было ни сил, ни необходимости. Колеблющееся марево за спи-

ной потихоньку таяло до следующей активации. Если бы вход был обнаружен, то маги уже стояли бы здесь. Только сейчас я могла по-настоящему расслабиться и... покривиться от невыносимого холода. Вокруг плотным овалом поляну окружал вековой хвойный лес, серебрящийся в свете полной луны заснеженными кораллами ветвей. Ветра не было, но это служило лишь слабым утешением моим босым красным до полной потери чувствительности ногам, по колено утопающим в рыхлом снежке. Троль с самым глупым видом почесал в затылке: когда спешно планируешь побег, какая-то мелочь все равно ускользнет. Подмога пришла оттуда, откуда её никто не ждал. Рашаль ухмыльнулся, осуждающе глядя на мои «изнеженные» конечности, и стянул с тупа рабочий фартук. Маг тут же расцвел улыбкой, принял от парнишки полезный кусок тканины и одним движением пальцев разорвал с треском поддавшуюся материю на два. А потом коротко свистнул в темноту. Не услышала, а ощутила кожей, как на поляну из густой темноты выступили три высокие тени. Девственный, не тронутый присутствием человека сугроб не ломал их очертания. И я сполна налюбовалась длинными узловатыми ногами, прямой шеей, благородно изогнутой холкой и роскошными гривами трех ахалтинцев.. Не обернулась даже тогда, когда одна из самых любопытных морд ткнулась влажными губами в мои растрепавшиеся волосы. Ни здесь, ни за морем, ни в каком известном мне краю света не существует лошадей, быстрее и выносли-

вее ахалтинцев. Разве что... Но они не совсем лошади. Горячее дыхание обожгло шею, защекотало за ухом. Вопреки опасениям мага, ахалтинец принял новых знакомцев. Владимир шагнул мне навстречу, протягивая руки к талии, и одним рывком закинул в седло статного животного. Вороной жеребец с белой звездочкой на голове и такой же белизной по венчику разочарованно заржал, но остался стоять смиренно, недовольно переминаясь с ноги на ногу. На столь роскошной лошадке мне приходилось сидеть впервые. Тысяча тимок, не меньше. Холеный, поджарый. Две другие нетерпеливо фыркали поблизости. Ещё один жеребец и кобылка. Маг размашисто шагнул к последней, проверил натяжение подпруг и точным движением впорхнул на спину животного, та даже не шелохнулась. Енк грубо подхватил парнишку, ссутулился и тоже, кряхтя, полез в седло. Мальчишка заворожено наблюдал за скакунами. Бьюсь об заклад, ему впервые в жизни представился случай испытать, что значит скачка на ахалтинцах. Упругие бока животного приятно согревали мои онемевшие ноги. Жизнь явно налаживалась. Оставались позади страх и боль, уступая волшебству зимней ночи и близости новых друзей. Неужели спасена? Неужели, преодолевая вековую брезгливость и неприятие, мне помогли люди? И уж совсем тепло на сердце стало, когда маг метко запустил в меня останками промасленного фартука: «На ноги намотай, а то совсем заоченеешь».

Так мы и скакали. Владимир впереди: его Молния оказа-

лась самой быстрой лошадкой в этих местах. За ним – я, стараясь поплотнее укутаться в плащ (хотя коленями все равно пришлось пожертвовать). А позади тролль и Рашаль.

– Владимир?– слишком много вопросов, чтобы их можно было проигнорировать. Слишком многое хотелось расставить на свои места.

Маг не обернулся, но я определенно уловила: напрягся. Он понимал, рано или поздно, ответы я получу. Такие уж мы, гарпии, въедливые натуры.

–Что с моими сестрами?

Ответ был заготовлен заранее.

–Они не попались к нам в сети, можешь успокоиться. В западных землях говорят, бежали в Ергеил, поближе к троллям. Не слишком знатное соседство, зато безопасное. Ты же знаешь, тролли терпимее других рас относятся к вам. Думаю правда, вернутся. Как только выяснят, где все это время находилась ты.

Чтож, маг был прав. Аэлло, Окипета и Тиелла слишком опытны, чтобы запросто попасться в любые, пусть даже магические, сети. И они непременно вернуться. Но обольщаться поймать их в подобную ловушку дело бестолковое. Чтож, эта новость меня порадовала.

–А почему ты мне помог?

Не знаю, сколько томительных щепок прошло, прежде чем я услышала его голос, определенно начиная считать либо себя слишком любопытной, либо вопрос, по меньшей ме-

ре, бестактным.

– Потому, что ты не виновна, – в конце концов по-будничному просто заключил маг.

– Не виновна в чем? Можно хоть сейчас узнать, за что меня пытали?

В глубине души я понимала: скорее всего, Владимир ничего не мог поделать, пусть даже и был убежден в моей непричастности. Только легче от этого не становилось. Сердце упрямо ковырнула ноющая болячка. У людей всегда было так. Если надо найти козла отпущения, то им с переменным успехом становились «уродливые, зловонные» гарпии. Именно поэтому мы покинули свою родину. Ошиблись. Лучше сказать: прогадали. Там, по крайней мере, всегда тепло, не то, что здесь. Тень улыбки промелькнула на моем лице при воспоминаниях о Старофадских островах, где пенные волны неистово бьются о прибрежные камни, где ветер и тот друг и соратник, способный сграбастать нас с острого утеса и метнуть навстречу бегущим облакам, где под белесым солнцем зеленеют оливы и на высоких, поросших бархатным разнотравьем холмах пасутся стада златорунных овец. Только нам пришлось покинуть благодатный край: сначала аргонаты и банальная усталость, потом... Гарпии старались никогда не вмешиваться в дела людей, тем более не хотели стать вечно гонимыми и проклинаемыми.

– Тебя обвинили в смерти жены Князя – Лилит и нерожденного наследника престола.

Не могу сказать, что я удивилась.

– Чем же, по-вашему, гарпиям успела так насолить беременная женщина?

Маг пожал плечами.

– Вессия воюет с троллями из Темных гор. Ты с сестрами, как сначала подумали мы, обычная наемница. Тролли любят расправляться с врагами чужими руками. Это так похоже на них. Прости. – Добавил он после щепки молчания. – Мы ошибались. Но, Келено, люди склонны ошибаться.

Люди склонны ошибаться. Эта истина была известна нам лучше, чем кому-либо другому. Только раньше, вновь и вновь убеждаясь в ней, мне не приходилось испытывать такие боли и почти звериный страх! Глупо жаловаться и ныть, бросаться обвинениями. Если люди и ошибаются, то очень не любят признавать свои ошибки. Вот и теперь, прося прощения у меня, Владимир лишь полуобернулся, так и не рискуя встретиться взглядами. А я ненадолго замолчала, покосившись на хмурых спутников.

– Постой, но если вы сейчас воюете с троллями, то, что здесь делает Енк? И почему в самом центре хваленной Вессии замок Тимира наводнен врагами Повелителя?

– Все не совсем так. Енк – мой друг. Мы знакомы с самого детства. Я уверен в нем, если вопрос будет стоять в верности мне или тролльему королю, Енк выберет помощь другу. А в темнице были простые наемники. Таких «предателей» хватает у всех, будь то человек, тролль или гном. Я даже лично

знаю парочку эльфов,— добавил он после короткой заминки.

«Удивил»,— хмыкнула я про себя. Я знаю парочку десятков эльфов, которых небольшим усилием можно подцепить на крючок алчности, лести или лжи. И чем гуще кровь «первородного», тем легчевернее в итоге он оказывался.

—Чтож, говоришь ты складно. Но меня интересует, почему меня пытали, фавн подери, но, при этом, не вели допрос? И откуда тогда, каддар, ты знаешь мое имя?

Уже в тот самый миг, когда с его губ слетело незаметное «Келено», я невольно напряглась. Но усилием воли заставила сердце биться медленнее, а мозг соображать вдвое быстрее. Что это значило для меня? Учитывая, что мы поселились в этих местах не больше седмицы назад и никак не успели пообщаться с местным населением, тем более говорить кому-либо свои имена. А значит, мое Владимиру стало известно от тех, кто его знал: сестер. Выходит, врет? И если сестры связались с ним, то сейчас они могут быть уже мертвы. От самого ужасного из возможных сценариев волоски на моем теле встали дыбом. Но Владимир не лгал. В глубоких зеленых глазах можно было утонуть, как в пучине Эрегейского моря. Но их бездна не таила в себе ложь.

—Тимир ушел в поход, но перед этим запретил нам допрашивать тебя. Он хотел сам. А с именем все просто. Ты же Келено? Так неужели ты и впрямь подумала, будто Тимир не в курсе того, что твориться на его землях? Особенно если учесть, что вы поселились здесь в самом начале войны. У

него, как и у любого другого правителя, возник закономерный вопрос: шпионы или наемники? В принципе, история довольно прозрачна: изгнаны аргонавтами. Но только что-то не складывалось. Почему сюда? В Вессии убийственный холод шесть месяцев в году. Могли бы выбрать что-нибудь южнее. Видишь, я неплохо осведомлен о гарпиях. Ну, и потом, в замке обширная библиотека, так что довольно много мы с братом почерпнули оттуда. Аэлло -белокурая; Тиелла -рыжая. Да ещё, отряд наворопников, направленных мной в Темные горы, доложил, что на границе видели трех гарпий. Они интересовались судьбой черноволосой девушки и, кажется, называли её Келено. Я помилован?

Мужчина обернулся и внимательно посмотрел на меня. Молния насторожилась и потянула поводья.

—Я знаю, у тебя накопилось слишком много вопросов,— начал он мягко.— Обещаю, что отвечу на каждый. Но сейчас мы слишком вымотаны, слишком устали. Вот, хотя бы ты. Пальцы, наверное, зверски болят?

Я уставилась на свои ладони, как будто увидела впервые: зрелище не для слабонервных. Под плащом им самое место! Владимир проследил за уловкой, виновато покачал головой и отвернулся.

Луна висела совсем низко, цепляясь за верхушки темных исполинов-кедров, и оттого казалась пугающе огромной. Наш маленький отряд уверенно скакал рысью по не приметной, петляющей узенькой тропинке. Здесь, внизу, ветер

почти не чувствовался, лишь робко колыхал тонкие ветви кустарника, запорошенные липким снегом. Зато, поднимаясь взглядом по коряжистым стволам векового леса, можно было упереться в недостигаемые кроны. Так высоко, что глаз еле-еле мог уловить посеребренные кусочки неба сквозь чернеющий в вышине лапник. Там-то ветер и жил в полную силу. Верхушки деревьев размашисто качались, наполняя зимнюю тишину ночи треском и пугающим гулом. Вороной, вслед за кобылкой мага, перешел на шаг. Он сделал это впервые за пять лучин- воистину, терпеливые создания. Таких лошадей, как ахалтинцы, я велела бы подковывать небесным металлом, инкрустированным слезами богов. Под тонкой, но удивительно прочной кожей играли стальные мускулы. Изящные кони без труда могли преодолевать самые сложные препятствия, даже не сбиваясь с размеренной иноходи.

—Как зовут моего скакуна?

Пожалуй, этот безобидный интерес не вызовет отрицательных эмоций у мага.

—Буран. Он появился на изломе зимы. В тот день случилась сильная метель. Буран же должен был родиться только через седмицу, так что брат не сильно беспокоился, когда по самую маковку замело конюшни. А я не находил себе места. В конце концов, Тимир уступил. Мы добрались таки до ворот и увидели его. Никогда до того и после того мне не приходилось встречать более своенравного скакуна. Встает, ша-

тается, голодный. Но с рук не ест. Кусается.

–С рук?

–Да. Быстрая, мамка его, при родах умерла. Если б раньше... А этот – дракончик, даром что огнем не дышит. Тимир его Метелицей назвал и мне подарил. А я то уж только потом Бурана разглядел.

–Красивое имя.

Я ласково потрепала коня по холке, тот мотнул головой и недовольно стриганул ушами.

–Аккуратнее с ним. Очень норовистый. Молодой ещё, – извиняющимся тоном добавил Владимир.

Склонившись над гребнем длинной шеи, я зашептала скакуну на ухо мягким, терпеливым голосом. Говорила все подряд, важно не это. Поделится теплом, просто подружиться. Ведь мы с ним были так одиноки в этом мире. Спустя пару минут Буран отреагировал: заинтересованно повел ухом и доверительно закивал. Маг, наблюдавший за мной с нескрываемым интересом, даже немного приподнялся на стременах, пытаясь расслышать таинственный монолог.

–Надо же, похоже, вы нашли с ним общий язык! Заклинание?

Я довольно ухмыльнулась и запустила пятерню в шелковую гриву.

–Если ты прочел так много книг про нас, как говоришь, неужели не понял: гарпии не умеют колдовать. Зато, мы умеем чувствовать магию.

—Сомнительно,— упрямо протянул мужчина.— В тот день, когда мы поймали тебя, почему ты ничего не почувствовала?

Мне оставалось только прикусить язычок. Что-что, а это врятли получится когда-нибудь забыть. С самой денницы я упрямо бродила по заснеженному лугу в поисках корня карачай травы. У нас на родине такую редкость достать сложно. Самым сильным действием обладали корни, выкопанные именно из-под первого снега. Сестры, хоть и не разделяли увлечение травами, никогда не брезговали теплым компрессом из лешанника или отварчиком от клопов. Корень вредничал, никак не хотел даваться в руки, ускользал, нагло подсмеиваясь из-под ближайшего валежника, не наигрался ещё. Я тихо бесилась, но малодушничать и отступить в ещё неуютную, но стремительно исправляющуюся благодаря усилиям сестер пещеру не хотела. Помню, на мгновение оторвала взгляд от нахально подмигивающего корешка и распрямила затекшие плечи, когда из низких темных облаков, незаметно и неотвратимо заполонивших небо, на землю посыпалась белая крупа. Нет, не снег, как подумала сначала. Магия. Безграничная, невесомая, но от этого ещё более сильная. Древняя. Она накрыла меня ловчей сетью. Спаслись не оставалось не единого шанса.

—Скажи, маг, кто в тот день ставил на меня сети?

—Я.

Смелое заявление. Охотно посмеялась бы, жаль, настроение подкачало. Владимир, хоть я и чувствовала в нем магию,

не совладал бы с подобным. Но раз он не хочет признаваться, настаивать не стану. Подожду удобного случая.

Енк не встретал в наш разговор, потому как давно и сладко посапывал прямо в седле. Рашаль весь сморщился, ссутулится и тоже клевал носом.

–Куда мы направляемся?

–В мой замок. Тимир подарил мне его лет десять назад, с тех пор ни разу не появлялся там. Думаю, это станет самым безопасным местом, пока ты не выздоровеешь. Потом видно будет. Постараюсь переправить тебя к сестрам. Но полный лунный цикл придется погостить у меня.

Владимир легонько тронул поводья, и Молния перешла с шага на рысь. Наши скакуны безропотно последовали за ней. Они смотрелись очень гармонично: красавица вороной масти и такой же «вороной» мужчина. Стройный, высокий. Изящные руки, статная осанка. Невольно залюбуешься. Владимир (неужели он почувствовал спиной мой взгляд) обернулся и подмигнул. Почему от этого все внутри меня налилось горячим смущением? И пусть невысказанные вопросы цепкими коготками скребли душу, я предпочла оставить их до завтра, и просто наслаждаться хрустальной тишиной свободы.

Спустя лучину ахалтинцы оживились, предчувствуя скорый конец пути. Из-за леса, раздвигая лапник вековых елей, выступили владения брата Повелителя. Густой туман баюкал высокое забрало замка, обступив его плотным, непро-

нищаемым кольцом. И оттого казалось, будто не глухие каменные стены, а лежит в лощине забытая титаном меховая шапка, пронзенная гигантской стрелой – смотровой башней. Топленое молоко тумана обволокло нас, жадно потянулось косматыми лапами, обняло липким страхом. Ни звука. Будто бы вымер старый лес подле странного замка. Лошадки интуитивно старались держаться вместе, тихим похрапыванием давая понять, что тоже чувствовали присутствие недоброго. Не удивительно: всякий лишний аршин проглатывал седоков, а приглушенные крики потерявшихся доносились будто бы из разных мест. Копыта Бурана зацокали о камни подъездной дороги. Я вздохнула с облегчением, потому как, раздвигая белые кудели, черным лебедем выплыла на дорогу Молния. Седок, завидев меня, натянул поводья.

–Тут всегда так. Главное, с дороги не сходить. А вот и он...

Чем ближе ахалтинцы приближались к замку, тем ярче вспыхивали во мне сомнения. Помог. Премного благодарна. Но, не лучше ли сейчас не злоупотреблять гостеприимством неожиданно трогательно-заботливого хозяина, а рвануть от греха подальше из этих мест? Я опасливо огляделась, свет в узких окнах-бойницах не горел. Значит, нас не ждали, или тщательно скрывали это. Неожиданно в носшибанул тяжелый запах забродившего вина. Интуиция никогда не обманывала меня, вот и сейчас хотелось натянуть поводья, развернуться и без оглядки мчаться прочь от нехорошего места.

Но отсутствие одежды и крепчавший морозец сильно испортили настроение, заставляя, против воли, подчиняться Владимиру.

–Магия моя, не волнуйся,– Молния поравнялась с Бураном. Ахалтинцы поскакали бок о бок.– Тимир слишком сильный маг. Придется привыкнуть. Шит я снимать не намерен. Да, Келено, если ты решишь покинуть нас, не смеем задерживать. Только лошадь, извини, дать не могу. Брат обязательно узнает любую из моего табуна. А мне, уж поверь, совсем не хочется оказаться у него в подозреваемых. Ты должна понимать, помогая убийце наследника престола, мы рискуем жизнью,– терпеливо добавил мужчина, и от его прежнего миролюбивого настроения не осталось и следа.

Но гарпии не платят злом за добро, тем более, когда ещё вполне нуждаются в последнем. Владимир прав. Они действительно рискуют. Пришлось напрячься, чтобы хоть немного привыкнуть к постоянному фону охотничьего замка, приспособиваясь к легкому головокружению и совсем уже терпимой, незначительной тошноте.

–Стой, – протяжно скомандовал мужчина, и я откинулась назад, набирая поводья.– Вот мы и у цели.

Маг спешил и пять раз коротко ударил в высокие кованые ворота. Спустила щепку в приоткрытую дверь высунулась чубатая голова гнома, а через мгновение показался весь коротышка- сторож. С наслаждением поскребывая за волосатым ухом, он осведомился, какого «дрыха» тут кто-то шляет-

ся. Точно не ждал. После весьма «гостеприимного» приема гном получил звучный ответный подзатыльник, благо такое приветствие ему было, по всему, хорошо знакомо. «Повелитель!» – испуганно взвизгнул непутевый страж, торопливо распахивая поскрипывающие ворота. Владимир мазнул по мне взглядом, нахмурился: заметила или нет? Да пусть хоть Зевс Громовержец! Мне абсолютно без разницы, как кличут Владимира его слуги.

Первое, что несказанно обрадовало вымученную компанию после «бодрящего» морозца, была неслыханная роскошь для этой варварской страны – пахнущее смоляными дровишками и растекающееся усталой негой по измотанному телу тепло горящего камина. Не очага, а именно камина. Большого, почти в человеческий рост, подстать звенящей от гулко-го эха зале. Такие совсем недавно научились делать тролли и гномы. Не для тепла, а больше для красоты. В обычной печенской избе никогда подобного не увидеть. В самом центре очага, подставляя огню румяные бока, на гнупом железном вертеле готовился заяц. Вкусно в такт ему пахла ещё теплая кукурузная лепешка. Скромный ужин сторожа должен был закончиться хмельным гномьим пивом, сваренным в лучших традициях обширной гномьей общины. Терпкое, с ноздреватой пенкой. Вспомнив позабытый вкус, я невольно облизнулась. Коротышка угрюмо сверкнул недовольным глазом: «Мало того, что заваливаются посреди ночи, так ещё и харчами с ними делись», – читалось на насупившемся лице.

От Владимира так же не ускользнул мечтательный взор, да и нос мой, нет-нет, так и норовил повернуться в сторону очага.

—К столу нам что-нибудь сообрази,— внял беззвучным мольбам хозяин. — Жена твоя здесь?

Гном кивнул.

—Тогда пусть покажет гостям их светелки, да поживей. А девушке не помешает найти одежду. Поневу там и рубаху какую.

Ненадолго замолчал, прикидывая в уме, как я буду смотреться в коротенькой гномьей поневе, и расплылся ехидной улыбкой.

—Сам подыщу. Что застыл? Шустрее. И не гляди так жалобно на своего зайца, аккурат к нашему приходу поспел.

Гному пришлось смириться, он, кряхтя, выкатился из запы и засеменял по темному коридору.

На щепку между нами повисла напряженная тишина. Где-то за высокими узкими окнами тяжело и гулко ухнул филин. Зимний лес отозвался протяжным вьюжным свистом. Маг подтянул к огню тяжелую деревянную скамейку. Плюхнулся с краю и похлопал по спинке рядом, приглашая меня.

Растянуться подле очага было невыразимо приятно, «сапоги» немедленно отправились в огонь. Оранжевые язычки лизнули влажную ткань, испуганно затрепетали, но кочевряжиться не стали. Маг полуобернулся ко мне и положил свою руку на спинку скамьи за мной. От жара пламени или близости мужчины щеки пылали. Спасительно заскрежетал пол за

спиной. Енк, не дожидаясь высочайшего позволения, тащил точно такую же скамейку. А потом, не обращая внимания на предупредительные жесты мага, пристроил свою продолжением к нашей. Так мы и застыли, потирая озябшие плечи: Владимир- справа, Рашаль слева от меня, за ним Енк.

–Есть-то как хочется,– кисло затащил парнишка и сладко зевнул.– А ты, Енк, тоже хочешь есть?

После совместного путешествия на одной лошадке между ними царило какое-то особое взаимопонимание.

–Неа. Есть я хотел десять стрелищ назад, хавать – пять. А теперь просто – жрать,– усталым вздохом подытожил тролль.

Заяц призывно золотился в пламени, роняя на костер скворчащие капли жирка. К чему условности, хотелось просто протянуть руку, содрать его с вертела и обглодать до косточки. Но компания страждущих скорбно помалкивала, прикидывая в уме, как делиться то будет. Ровно до того момента, покуда в залу не вкатилась торжественная процессия из копченых окороков, рыбных кулебяк, пары мисок травы (роскошь для обычного зимнего обеда) и пузатого бочонка гномьего пива. В поникших было рядах странников слышался вздох облегчения, перекрываемый торопливым шарканьем деревянных ножек о камни пола. Маг галантно предложил мне место у стола, где коротколапые окорока и кулебяки разделялись на гномов и продукты.

Первая волна голода благополучно отступила, Рашаль почти спал сидя, а Енк ковырял в зубах рыбеёй чешуйкой, слу-

чайно затесавшейся в начинку пирога. Заяц исчез мгновенно, окорока продержались немногим дольше, а кулебякой наслаждались уже неспеша. К траве никто не притронулся. Запоздало пытаясь реабилитироваться, гарпия-обжора зацепила один листик двумя пальцами и, отрывая маленькими пластинками, тщательно разжевывала безвкусную зеленую кашу.

–Владимир, а почему ты так задержался в тоннеле?– Енк цокнул языком, выуживая остатки пищи из самых отдаленных уголков бездонной троллей пасты.

–Распоряжения раздавал.

–Кому?– удивилась я.

–Боевым магам,– Владимир поразился моей недогадливости.– Я же руковожу твоими поисками. Весь замок на ушах стоит. Отряды прочесывают окрестные леса и печища. Шутка ли, головы полетят.

– А вы? Не догадается?

–За нас не волнуйся, играем по первоначальному плану. Почти. Сильно ты нам воду намутила. Енк ведь побег на середину четвертного организовал, а ты... Пришлось действовать спонтанно. Старым телепортом воспользоваться. Опасно это. Особенно для тех, кто вслед идет.

Гномиха принесла пушистые копытца из собачьей шерсти, и я благодарно улыбнулась на заботу. В животе довольно урчали две кружки теплого пива, уплотняя сытный ужин. Маг не отрываясь, наблюдал за мной. В зеленых глазах пля-

сали искорки – отражения мечущихся язычков пламени.

–Ты простишь меня?– губы расплылись виноватой полуулыбкой.

Что ответить? Да, поймал, заточил в холодную темницу, где меня пытали. Может даже, сам и отдал такой приказ. Только ведь помог бежать, рискует жизнью ради всеми презираемой гарпии. Не хотелось бояться его или ненавидеть. Возможно, второй раз в жизни я по-настоящему хотела поверить мужчине. Мужчине, который смотрел без показной брезгливости или страха, который вообще ТАК смотрел на меня.

Шмяк. В миску с травой звонко впечаталась голова Рашаля. Да так и осталась там, колоритно дополняя подвядший натюрморт парой глупо алевших в зелени молодых ушей.

–Малец ещё. Сморило от переедания, вот и свалился,– потечески мягко покосился на него тролль. Зычно икнул и надул щеки, сдерживая отрыжку.

–И почувствовал себя в своей тарелке,– ухмыльнулся маг.

–Ему бы поспать.

Владимир не возражал.

Гномиха шла впереди, одной лапой держала железный светец, а другой прикрывала трепещущий огонек от сквозняков. Шаги гулко ухали в пустынном коридоре. Енк бережно, словно младенца, нес мирно посапывающего Рашаля. Мы с улыбочивым магом плелись следом. В итоге каждому досталось по светелке. Какое чудо: с камином и большой

постелью. Сначала Рашалю, мне – потом. Троль и маг свои знали.

Я стояла на пороге, не решаясь войти, и опасливо втягивала носом почти невыносимый этой половине замка кислотный запах. В остальном предложенная светлица более чем воодушевляла. Маленькая, но довольно уютная. А постель просто гигантская. Одному слишком вольготно, двоим тесновато, разве что поприжаться. От прикосновения горячих пальцев к плечу я вздрогнула и невольно зашипела, ощерившись.

– Только не бойся, – улыбнулся маг, шутливо поднимая руки вверх. – Если подождешь четверть лучины и не станешь запирается, я принесу тебе одежду. А то сейчас ты сильно смахиваешь на наше фамильное привидение.

–?!

– Пожалуй, наше привидение следит за собой получше.

– Ладно, – Буркнула я. – А можно мне... это. Помыться бы.

– Всенепременно, моя красавица.

Не понятно. Шутит? Или нет. Он же видел все: не только милую девушку, но и уродца-полуженщину-полуптицу? Маг ушел, а я осталась переваривать события сегодняшнего дня в полном одиночестве.

Глава 2

Как хорошо! Проснувшись я давно, но глаза открывать не спешила. Пусть солнце вдоволь наиграется с моими изнеженными за последнюю луну пятками, случайно улизнувшими из под толстенного простеганного одеяла. Не очень то и легкого, зато чудесно справлявшегося со всеми своими функциями. Владимир был убедителен: бояться здесь нечего. Так глубоко в гущу леса, и впрямь, никто не забредал. Да и зачем в самую середину зимы тащиться на пустующий тракт? Купцам и мелким торговцам оно не надо, а наемные тем более не чаяли обжиться здесь монеткой-другой. Разве что охотники капканы проверять придут, но и таковых не наблюдалось – земли то хозяйские, аж самого брата Тимира! Кому охота с таким в прятки бегать? Как на необитаемом острове! Жаль, что на покинутой родине у нас не было столь веского покровителя.

Дверь нерешительно крякнула три разочка, так стучался Рашаль. И это я тоже успела выучить за прошедшую луну. Сначала Владимир собирался отправить его куда-нибудь подальше, в Косари, например, но парнишка так жалобно смотрел на мага (а потом и на меня), что тот смирился, и юный отрок остался помогать гномихе у печи.

ЛиККар Лаб оправдывала свое гномье имя. В переводе

на родной язык оно означало что-то навроде «Северной Лунны». Такая же круглолицая, седобородая и с холодными искорками глаз. Хотя у меня на родине гномихи обычно носили аккуратную бородку клинышком, у ЛиККар Лаб борода мелко курчавилась и доходила почти до колен, напоминая колючий куст морозяника. Енк, правда, шепнул как-то, будто на самом деле имя звучит как «Кусающая Врага». Но ЛиККар страшно не любила вспоминать какую-то живописную историю из своего прошлого и нарочно переводила иначе. «А ещё,— осклабившись, сообщил сплетник.— Она теперь частенько норовит зубы поскрести. Носит с собой осиновые палочки. Воспоминания замучили. Не за то, видать, ухватила!»

Я блаженно потянулась, а в дверь постучались уже настоящим.

—Входи.

Благосклонное разрешение на долю мгновения опередило потерявшего терпение. Сначала в проеме замаячил любопытный нос, а затем, убедившись, что девичьи прелести более-менее защищены одеялом, в светлицу проскользнул ... маг. Я мгновенно переместилась из лежачего положения, не забывая прикрывать соблазнительно обнаженные плечи, и поджала ноги к груди. Теперь совсем прилично, да только краска смущения все равно густо покрыла щеки. Маг заметил, довольно улыбнулся и присел в локте от нарочитой скромницы. Сердце ухнуло по ребрам с устрашающей часто-

той, а испарина тут же предательски покрыла лоб и верхнюю губу. Я наклонилась и рискнула незаметно вытереть её краем одеяла. Маг сделал вид, что заинтересовался складочками растянутого на ларе платья, однако, когда его взгляд неизбежно наткнулся на сестрино изобретение, скрывавшие грудь чашечки, свободно свешивающиеся с ларя (спать я предпочитала без стесняющих движения тесемок), поспешил вернуться к созерцанию недоразумения на постели. Показалось? Заинтригованно. Длинные пальцы пробежались по одеялу, нащупав то, что искали, и нежно коснулись моих, проверяя действие заклинания ускоренного сращения конечностей. Оно забирало много силы, но заживляло переломы в рекордные сроки. А ведь ломать, все-таки, пришлось. Моё дыхание участилось, не смотря на бесплодные попытки оставаться равнодушной. И почему в такие моменты перед глазами плывет, а в груди зреет томление. Да, Владимир прикоснулся ко мне не впервые. И каждый раз все внутри тревожно замирало в предчувствии. Я боялась признаться себе самой: я его желала.

—Ещё ноет?

Какой красивый голос, бархатистый, глубокий. В ответ я глупо заморгала ресницами и ещё сильнее вжалась в спасительную непроницаемость довольно условной защиты. Интересно, он может видеть через материю? Маг откинул со лба длинную челку, ласково погладил почти зажившие ладони и... поднес их к губам. Не успело горячее дыхание коснуть-

ся кончиков пальцев, как я растерянно одернула руку и отползла на край кровати, браня себя, на чем свет стоит. Нет, Владимир вовсе не покушался на мою трепетно хранимую девственность. Напротив, таких галантных кавалеров и днем с огнем не сыщешь. Да ещё красив, фавн подери. Маг тихо вздохнул, пряча разочарованный взгляд под нахмуренными бровями.

–Сначала, конечно. Зато теперь как новенькие, – выпалила я пересохшими от напряжения губами.

Почти не морщась, сжимала и разжимала подлатанные пальцы. Те согласно похрустывали. Владимир не стал повторять попытку, отчего не душе сделалось тоскливо. Каддар, и почему я такая дура? Неадекватная.

–Я рад,– тихо констатировал маг и добавил после некоторого замешательства.– Но пришел не потому. Поговорить надо.

И снова замолк, неловко поглядывая в мою сторону. Охотничий замок постепенно оживал. В коридоре послышались торопливые частые шаги: ЛиККар Лаб спешила к печи. Кряхтела, вспоминая прожорливых гостей почти ласково. За ней плелся недовольный супруг, в пол голоса бубня себе под нос: никак не мог простить Енку пустые пивные бочонки, «случайно» наполненные взамен водой, а я предполагала – подтаявшим снегом. И опять тишина, уж лучше бы сказал банальность, чем так молчать.

–Я уезжаю. Послом к троллям. Тимир приказал.

Махар! Банальность и впрямь лучше.

–Когда вернешься?

Получилось. Не застыла с отвисшей челюстью, не побледнела, и даже голос не подвел. Ответ, однако, кольнул в сердце почище тупых иголок под ногти. Маг покачал головой.

–Не знаю. Но буду стараться в борзе.

Все как всегда. Как только немного расслабишься, разомлеешь от неожиданного тихого счастья, сразу, не мешкая, наступает черная полоса.словно кусачая собака из-за угла накидывается на лодыжки беспечного одинокого путника. Тревожно как-то! Мужчина виновато потупился и развел руками.

–Не хочу уезжать. Только брат не спрашивал моего желания. Для переговоров нужен представитель правящего рода. Иначе тролли посчитают такой мир оскорбительным для себя.

–Вы проиграли?

Маг pokrивился, толи «вы» не понравилось, толи «проиграли».

–Нет. Все довольно стабильно, проблема не в этом. Война тянет деньги и сильно прорежет население, а конца не видно. И хотя Тимир предпочитает меч столу переговоров, в этот раз ему придется смириться. Если не закончим до весны, некому будет пахать и сеять, потом голод и мор. А силы и так уже подточены. Да ещё Сайнон облизывается на северные границы. Чувствую, попадем как пергамент в ножницы.

Голос доносился словно издалека, разбивался искрами и оседал серым пеплом на сердце. Я смотрела в зеленые глаза Владимира, но видела перед собой другие, карие, с золотыми всполохами на радужке. Глаза моего жениха. Они с Владимиром были чем-то похожи. Высокие, черноволосые. Ахилл так же, как и маг, помог мне. Закрыв собой от града камней неистовствовавшей толпы. Я была рядом целых пять лун, а потом война. Война, притворявшаяся то алчной старухой, то пленительной девой. Она всегда в выигрыше, она забирает самых лучших, самых смелых и молодых. Навсегда. Комок в горле мешал дышать. Я проклинала себя за то, что в минуты слабости тянулась к Владимиру, забывая о том, что я всего лишь гарпия, женщина-птица. А брат повелителя никогда не станет якшаться с такой уродиной. Тем более, Тимир разыскивает меня, чтобы предать колесованию, четвертованию или..., поежилась, представив, какую гадость может ещё изобрести его воспаленный мозг. Бездна надеждности обступила, подобно металлическому кольцу на холоде сжала плечи, камнем легла на душу. Хотелось плакать.

–А если тебя убьют?– прошептала и сама ужаснулась: «А если?».

–Нет, что ты. Я же некромант. Я даже из могилы вернусь.

–Нет. Некроманты сами не возвращаются. Нужен, как минимум, ещё один. У тебя в отряде есть ещё один некромант?

–Ты так серьезно это спрашиваешь. Нет. Во всем королевстве только двое: я и брат. Остальных Тимир повесил.

Если это была шутка, то какая-то некудышняя. Маг ухмыльнулся, я – нет.

–А ты мог бы послушаться Повелителя? Ведь ты ж его брат. Что он может сделать с родной кровью?

Владимир долго молчал, печально улыбаясь своим собственным мыслям.

–Во-первых, – война. Ты сама сказала, что я брат Князя и сын Велимира Храброго, неужели это не ответ. Отсидеться в кустах? Я так же, как и Тимир отвечаю за свой народ. Выбор судьбы пал на брата, он теперь Князь, но это не дает мне поблажек. И потом, хочешь, чтобы я праздновал труса? Ну, а на вторую часть вопроса и отвечать не хочется. Догадайся сама. Хотя, плохого сказать не могу, проверить не довелось. Но честь все же перевешивает страх.

Да, очень похожи. Примерно тоже самое говорил и Ахилл. И я тогда отпустила. Более того, понимала, что не смогу удержать и сейчас.

–Ты мог бы дать мне обещание вслепую,– он непонимающе пожал плечами, я же глядела с затаенной надеждой.– Просто скажи, что исполнишь.

–А если ты попросишь невозможное? Нет.

Ясно же, как божий день, Владимир никогда не согласиться на мое предложение, но, чем фавн не шутит?

–Возьми меня с собой?

–Келено...

–Нет, прошу тебя, не отказывай сразу, подумай. Просто

человеком, женщиной. Тимир не догадается. Ну, а если произойдет что-то плохое... Я могу пригодиться, и у тебя будет лишний козырь в рукаве. Ты ещё не видел, как я могу летать! Представь, у вас будет самый быстрый гонец на свете!

—Значит, руки у тебя зажали?— маг вернулся к старой теме, явно уклоняясь от ответа. Смотрел на свои сплетенные пальцы и если изредка поднимал глаза, то лишь когда думал, что я не видела.

—Разреши мне помочь.

—Ты сделаешь меня слабее,— туманно заметил он и ударил кулаком в открытую ладонь.

—Не понимаю...

—Келено, неужели ты настолько слепа?— а через мгновение зеленые искры погасли, а лоб прорезали глубокие вертикальные морщинки. Владимир отвернулся, но выпалил.— Забыла? Смертельная опасность. Тимир не глупец. Рано или поздно, он узнает и уничтожит тебя, а потом и меня.

Да. Тоска, подбиравшаяся под прикрытием усталости, вольготно расположилась в душе, распуская присоски — щупальца. Чпок, и в глазах потемнело. Чпок, головная боль зазвенела натянутой струной. Чпок, и, отрываясь, присоска уволокла с собой кусочек моего сердца.

—Я могу обещать только одно,— голос пробивался издалека.— Я обязательно вернусь.

—Ты не можешь говорить наверняка!

—Могу.

–Нет.

–Могу. Я читал свою судьбу.

Обряд прочтения судьбы сложный и даже опасный. Маги прибегают к нему лишь в исключительных случаях, значит, все действительно серьезно. Владимир понял: такой ответ напугал меня ещё сильнее. Он нервно сжимал и разжимал пальцы, как преступник на допросе. Скрывал.

–Не уезжай, – скривившись, словно под пыткой, просто-на-ла я.

–Не проси об этом.

–А о чем? О чем ты думал, когда рассказал мне? Хотел, чтобы я помогла собрать походный скарб? Зачем? – теперь почти зло, а голос, тем не менее, сорвался на визг.

–Нет. Всего лишь хотел услышать...

И почему внутри все сжалось в крошечный свинцовый комок, головная боль на мгновение замерла.

–... ждать.

Похоже, часть речи безвозвратно уплывала в бытие. За приготовлениями к чему-то важному, я это важное упускала.

–Повтори, – побелевшие пальцы вцепились в полу его камзола. Маг не отодвинулся, в его взгляде не было и намека на безразличие, так часто сквозящую во взглядах других мужчин.

–Ты будешь меня ждать?

–Это значит, ты разрешаешь мне остаться здесь?

–Нет, то есть, конечно. Повсюду рыскают ищейки Тимира.

Ты уже здорова, но об уходе не может быть и речи. Я вернусь, и тогда мы решим, что делать дальше. Сейчас же мой дом — самое безопасное место во всей Вессии. Но, ты спрашиваешь не о том.

—А о чем надо?

—Келено, ты морочишь мне голову!

—Владимир!

Мужчина закрыл глаза, одними губами досчитал до двадцати.

—Я ищу твоих сестер,— выпалил он, решив сменить тему разговора.

О сестрах я говорила постоянно, волны страха за них смеялись безудержной тоской. Всю свою жизнь гарпии проводят в обществе сестер. Вместе легче. Мы бессознательно тянемся к людям, но почти всегда бываем отброшены странной смесью презрения и ужаса с их стороны. Мать сказывала: такова наша доля. Быть похожими на людей, но не людьми. Раньше гарпиям приходилось даже убивать, только редко, ибо каждый раз Зевс наказывал нас беспредельным раскаянием, от которого впору повеситься. И вешались ведь.

—Разузнал ли что?

—Пока нет. Гарпии стали очень осторожны. Но если удастся с ними поговорить, то вы непременно увидите. Только никуда не уходи из замка. Я боюсь за тебя.

Последние слова теплой шалью упали на плечи.

—Ты расскажешь мне, что видел в зеркале судьбы?

– Не сегодня.

– Почему?

– Келено...

– Я прошу тебя. Это как-то связано со мной?

По тени, промелькнувшей на упрямом профиле, я догадалась, как недалеко от истины. Со двора, постепенно наполнявшегося звуками, до нас донесся хриплый бас Енка: «Владимир!».

– Меня зовут.

Мужчина подскочил на зов, но был остановлен за полу камзола.

– Скажи, – требовательно ощерилась я.

– Ты похожа на ревнивую жену, – усмехнулся маг и только хотел ласково отцепить мою руку, как вторая схватила его за запястье.

– Это так страшно?

Владимир нахмурил лоб, понял и вздохнул с облегчением.

– Нет, вовсе нет. Даже наоборот, вполне приятно.

Такой ответ обескураживал, но ничуть не успокаивал.

– Не выпущу, – пригрозила я.

Маг ещё раз вздохнул и снова примостился на край кровати. Зеленые глаза влажно блестели в полумраке алькова, а горячее дыхание обожгло мои щеки.

– Просто я видел прекрасную женщину у венчального ракитового куста. У неё на деснице, повыше локтя, был надет браслет моей матери, – и с улыбкой подытожил. – Выходит,

до смерти я ещё успею жениться.

—А...а...,— разочарованно протянула я, разжимая ладонь.

Маг взял мой подбородок в свою руку, приподнял лицо так, чтобы наши глаза встретились, и медленно договорил.

—Эта женщина — ты.

Кто-то другой внутри меня счастливо подался вперед. Утонуть в зеленых омутах, согреться теплом его рук, снова быть не одинокой. Но я, словно кувалдой пришибленная, беззвучно осталась сидеть на месте, только стыдливо и задумчиво уронив взгляд в сплетение пальцев на одеяле. Время растянулось гудящей пружиной. Кто-то внутри меня бранил застывшее тело на чем свет стоит. И почему я сразу не обняла решившегося на правду Владимира? Маг ждал долго, а потом понял: не дождется. И тихо притворил за собой дверь. Зеркало судьбы никогда не врет. Оно предрекло мужчине возвращение и нашу свадьбу. Почему бы и нет? Владимир красивый. Он мне нравится. Возможно, и я нравлюсь ему.

Глава 3

– И я за тебя боюсь.

Утреннее признание Владимира давало мне некоторые права. Например, прижаться к широкому сильному плечу. Мы стояли во внутреннем дворике охотничьего дома. Два ахалтинца нервно переминались с ноги на ногу в предчувствии скорого путешествия. Енк ухмылялся, то и дело косясь на сладко воркующую парочку. Но молчал, не ерничал.

– Проверь подпруги, – бросил ему Владимир и нежно провел ладонью по моей спине. – Обещай мне никуда не исчезать.

– Да, – ответила я рассеянно.

– Не при каких обстоятельствах не покидай замка. Здесь безопасно.

– Да.

– Отдыхай, набирайся сил и не волнуйся за меня понапрасну.

– Да.

– Ни в коем случае не показывайся на глаза видокам.

– Да.

– И чисти зубы каждое утро.

– Что?

– Слава богам, а то я уже начал за тебя беспокоиться, – ух-

мыльнулся маг и зарылся носом в волосы на моей макушке.

Теплая щека скользнула ниже, и горячие губы заставили мои поддаться трепещущему желанию. До чего же сладостен и печален был этот первый наш поцелуй. Владимир отстранился, но лишь для того, чтобы ещё раз заглянуть в мои глаза.

—Я вернусь,— и взлетел на вороную кобылку.

Енк уже ждал его у ворот, конь тролля нетерпеливо выписывал восьмерки. Прежде чем друзей поглотили непроглядные чернила ночного леса, плотным кольцом обступившего охотничий замок, Владимир ещё раз обернулся, махнул напоследок, и одними губами показал, не прошептал: «Я люблю тебя».

Глава 4

–Ах, ты тролля задница, дрых волосатый, ну я тебе покажу! – Надсадно ревел гном, молотя ножками по каменному полу. Туда-сюда.

По наличию столь смелых выражений становилось понятно: разыскивал он именно Рашаля. Да так громко разыскивал, что я не удержалась: тоже высунулась в коридор. И мгновенно всунулась обратно, ровно настолько, чтобы не сделаться случайной жертвой. Гном мчался мимо, потрясая над головой пудовым, успевшим почернеть в огне бревном. От скорости бревно, казалось уже окончательно остывшее, занималось снова, угрожающе поблескивая в бархатной темноте коридора малиновыми всполохами. Гном свирепо сопел, выпученные глаза лезли из глазниц, в уголках рта белела пена, невесомым пушком покачивающаяся на бороде: «Извращенец! Скотина!». Немедленно выяснять обстоятельства казалось рискованным, я решила немного обождать, подойти к его супруге. ЛиККар Лаб стояла немного в стороне, видимо, чтобы не служить преградой разгневанным перемещениям муженька, и, насупившись, одобряюще молчала. Я не выдержала и шепнула:

–Что случилось?

Гномиха метнула в меня разгневанным взглядом, вполне

способным стать причиной не то, что угольков – настоящего пожарища!

–Вы привели в дом похотливого извращенца! И упростили Повелителя оставить его жить!– досадно морщась, бросила она в темноту, метаясь, впрочем, в меня.

По спине пробежал противный холодок, я ошарашено блымкала глазами.

–Ничего не понимаю, да объяснит мне кто-нибудь?! На Рашаля будто бы не похоже. Какое-то недоразумение.

– Недоразумение! –Тут же ввернула гномиха.– Это вы его правильно назвали! Колода с ушами! Дрых слюнявый! Паршивец хотел пристроиться к моему УББырчику, когда тот изволил отдохнуть! Немыслимо! Мы будем жаловаться в профсоюзный комитет!

Я поперхнулась и растерянно уставилась в темноту.

–И ничего удивительного!– Настаивала ЛиККар Лаб.– Я давно наблюдаю, как негодяй посматривает на моего муженька! Скотоложец! Тьфу ты, мужеложец!

И, напоследок метнув грозным матерным предупреждением, оправила подол платья и засеменила вслед за переместившимся к покоям тролля Уббыр Гоном. Я же осталась, где стояла, ощущая себя при этом, по меньшей мере, как она там сказала? Ну да, ладно. Самым лучшим было не лезть не в свое дело и целой и невредимой вернуться восвояси. Так я и сделала. Дверь медленно качнулась от толчка бедром, но захлопнулась с неестественной силой. «Извращенец» стоял

в шаге от меня, заговорчески прикладывая к губам извазюканный в знакомой пене указательный палец. На лице – толи смущение, толи ехидная гримаса.

– Попадос, – Весело доложил малец и, заметив пушистые наросты, без стеснения вытер их об мое одеяло(!).

Второй рукой он при этом придерживал слишком уж широкие штаны тролля, вольготно болтавшиеся на бедрах. Я нерешительно заморгала: уж больно красноречивый получался видок. Но образ сластолюбца, польстившегося на спорные прелести УББыр Гона, все равно не клеился к нему. Легким пинком я вынудила Рашаля отодвинуться вглубь комнаты, подальше от двери, за которой нас могли услышать, для пущей убедительности сопроводив команду несильным, но вполне показательным выкручиванием ладони.

– Тебя гномы ищут, – Мне пришлось нарочито медленно разъяснить наглецу очевидные вещи. – А найдут, спялят на капище позади замка во славу своего Сапуха Визгливого.

Из гномьих богов я знала только одного, да и то лишь благодаря благозвучному имени. Но малец не испугался.

– Ой, как страшно, ажно позвонки от ужаса в штаны ссыпались и кишки внутри узлом перевязались, – глумливо покривился он, сморкаясь в рукав, но, заметив, как нервно подергивается мой глаз, добавил тише и уважительнее. – Нет, правда испугался! Только этого на лице не видать. А так-то, – страшно. Ну, если этого мало, то я могу и лучше испугаться. Но не сейчас, – малец прислушался к гневному урчанию

в своем желудке и разочарованно изрек.— Для этого посыл нужен. Малость попозжа. Всеж таки салыце у них... Вот был у нас случай один. Залез как-то к соседу нашему воришка. А сосед на его воровскую недолю окорока как раз покоптил. Он у нас в печище вообще-то знатный копильщик был, любую тухлятину мог в приличный вид привести. Всем печищем пользовались, ежели что пропадет ненароком, коптили, да на торжище, ну то, что подальше. Так вот, воришку того бестолкового потом без труда отыскивали. По запаху. Под кустом, бедолага, маялся, далеко уйти не смог...

—Ты мне зубы то не заговаривай,— скривившись, отмахнулась я.— Если расскажешь сам и без нажима, десницу не трону. Рекомендую не упорствовать во грехе.

—Конечно, конечно,— поспешил заверить малец.— Все как на духу.

—Гномиха говорит, ты к мужу её приставал,— положила я начало исповеди.

Рашаль страдальчески закатил глаза и слюняво прогундошил:

—Да чтоб у меня отсохло! И не думал даже. Просто шел мимо кладовки, услышал странные звуки. Неужто, соображаю, лихие люди в замок проникли, да в кладовой притаились. Я туда...

Я понимающе ощерилась: «В кладовке... Ага... Знакомая история.» Штаны, несколько позабытые бурно жестикулирующими руками, медленно поползли вниз. Паренек спохва-

тился, сунулся придержать, но не уделил этому должного внимания и, распаяясь, взмахнул невидимым мечем. Глаза горят, язык заплетается. По всему, если там и были воры, то они отчаялись покинуть замок живыми. На беду мальчика, кто-кто, а я то уж на этот театр не купилась: имела счастье созерцать хваленую доблесть в действии.

—А теперь начистоту, чего в кладовке забыл?

Пыл с вояки как рукой сняло.

—Ну? Вопрос понял?

—Вопрос понял,— Кисло заключил малец.— Ответ думаю.

—А ты не утруждайся. Так выкладывай. Бездумно.

—Ну, — угрюмо осклабился провинившийся,— Они там сальце копченое держат, а нам уже вторую седмицу кулеш на гусиных шейках скармливают. Собакам на заднем дворе тоже самое дают! Я и решил их немного проучить. Залез, значит, и давай припасы половинить. Все по-чести: им и нам. Да только гляжу, больно много получается, в руках не унести. Вот штаны и развязал, да веревками внизу закрепил,— Рашаль кивнул на разрезанный надвое поясok, стягивающий широкие тролльи штанины в самом низу, для пущей вместимости.— Пихаю туда, значит, да вдруг слышу стон вроде. Так от ужаса рубаха к спине и прилипла. А за ним опять: «... бубур-бур...». Страш... Страшно интересно мне стало. Кто это в кладовку пробрался, да так над добрыми людьми пошучивает? Ну, сама понимаешь, с таким «уловом» за ворами бегать не с руки. Вот и решил со справедливостью обождать

покаместь, сало обратно вывалил. Дай, думаю, подкрадусь, да застаю упыря врасплох. А тот упырь словно никуда уходит и не собирается, мирно так свое «бур-бур» на все лады выводит. Ну, нахал! Подкрался поближе и прям остолбенел. Это ж наш УББыр Гон трели на кулак наворачивает. Пораньше меня в кладовую залез, натрескался сметаны и ещё не знамо чего, расслонявился аж от удовольствия, да так на месте преступления и сморило, чтоб его. Хотел уже вернуться к своему интересу, но тут, домовою ущипнул, вспомнил.

–Ну! – нетерпеливо подбодрила я.– Говори уж до конца.

–Я сам из Отрыжека. Печище то у нас большое, богатое, да и места больно красивые: река широкая, даже летом не пересыхает, лес есть, да полянки ягодные,— со счастливой улыбкой затянул Рашаль.— Только вот скучно. Особливо зимой, когда поля работу не принимают, да по окрестностям так просто не смотнешься: завьюжило. К излому зимы к нам обычно на праздник баечники да факиры стекаются. Времена то самые лучшие: и люд по веселью стосковался, и денежка ещё не вся за долгую зиму утекла. На прошлый праздник, значит, фокусник забрел. Мастерство показывает, залюбуешься. Словно не фокусы, а самая настоящая магия. Мне интересно стало, как это он так? Ходил за ним, заглядывал, только так ничего и не понял. Один трюк особенно хорош. Берет из колоды карту, обычную такую, ничем не приметную. Кладет на неё щепку, любую, часто у кого даже спросит. А потом карту так немного, двумя пальцами, сжимает,

словно магию на неё насылает, глазами так поводит-поводит, да и скажет там что. Понятно, все для отвлечения внимания. Только я парень не дурак, уловки их ведаю. А щепочка та над картой так и взлетает. Как это он делает, в толк взять не мог. Одно только и понял: карта – не простая. Я за ним и так и этак, и со спины смотрел. Отроки бают, если так глянуть, то секрет непременно прознаешь. Никак не выходило. Пришлось это... знаешь ли... проверенным средством. Упер я её, карту ту. Фокусник так ничего и не понял, вполне довольный Отрыжек покидал. Утек я подальше, сокровище свое достал и ну глядеть. А секрет то прост: тончайшие веревочки протянуты были. Как только карту сжимаешь, они уменьшаются; и щепочка словно сама в воздухе парит. Карту эту, понятное дело, я показывать своим не решился. Зато потом, в городе, хороший доход с фокуса имел. Да только теперь она в тимировой тюрюге осталась, а ход туда мне заказан.

–А гном то причем?– искренне удивилась я.

–Так это ж всем понятно,– развел руками Рашаль.– У них же бороды особенные. Никогда не доводилось гномов за бороду оттаскать? То-то и оно: не очень получится. Они ж у них словно резиновые, тянуться почитай в две длинны. А волосинки тонюсенькие, сразу и не различишь, если по одному. У того фокусника на карте именно гномий волос был, очень редкий, зараза! Вот я и размечтался новую сделать. Всю луну замок обшаривал, ни одного волоска! А тут прямо само в руки и плывет... Бес попутал, стал я к нему подби-

раться. Только наклонился, тихонько так, только руку занес, хотел щипнуть пару-тройку, а тут он глаза и открыл. А у меня как раз штаны на пол упали, ну не думал я о них. Словом, УББыр Гон как-то всю ситуацию по-своему понял.

–И что ж мне с тобой делать?– Оценив честность, благодушно ухмыльнулась я.– ЛиККар то теперь и на меня сердится!

–А на тебя за что?

–За ходатайства мои. Ну да ладно, вот воспитаю тебя маленько за воровство, авось и мне на душе полегчает. Давай!

–Чего давать?– малец продолжал хорохориться, но улыбка с лица все-таки сползла.

–Руку, бестолочь!

–Так ты ж обещала оставить десницу, коли все по-честному...– неосмотрительно напомнил пройдоха.

–Обещала десницу, так оставлю, ты шуйцу давай!

Два раза повторять наредкость сообразительному пареньку не было нужды. Над ухом пронесся легкий ветерок, лишь зацепив кончики моих волос, дверь недовольно взвизгнула и осталась болтаться распахнутой. Я усмехнулась, подавив зевок, подошла к ней и захлопнула.

Глава 5

Закатное солнце медленно, но верно подбиралось к око-
ему, вызолотив верхушки сосен и утихомилив пыл особен-
но крикливых от зимнего голода ворон. В небо они боль-
ше не поднимались, чувствуя скорое приближение ночи. Так
и остались ковырять неглубокий, местами успевший потем-
неть снежок в надежде найти орешек или зернышко какое.
Лишь опасливо поглядывали на одинокую фигурку невы-
сокой девушки, застывшей на самом краю тени леса, удли-
нившейся почти максимально благодаря прощальным лучам
багряного диска. Она ежилась от холода, кутаясь в пуховую
шаль, но не уходила, с наслаждением вдыхая чистый лесной
воздух, словно пробуя его на вкус. Настоящий, свежий, не
то, что в там, где она провела последниё две луны. Долгими
одинокими вечерами её одолевала тоска, желание поскорее
увидеть его, прижаться к теплому плечу, зарыться лицом в
черные кудри. Ей все больше казалось, что тяжелый желе-
зисто- кислый запах его охранной магии, плотным кольцом
окружавший охотничий замок, терпеть больше не получить-
ся. Но, памятуя о своем обещании, тяжело вздыхала и воз-
вращалась обратно, раз за разом погружаясь в омут почти
болезненного ожидания: «Где он сейчас? Что с ним?». Да-
леко от дома она не отлучалась. Сегодня стояла неподвиж-

но, словно в нерешительности. Луч солнца мазнул по холмику камней на просеке, задержался на вязанке дров, плотно перетянутых витой бечевкой и нежно коснулся затылка девушки, в черных как смоль волосах тут же заплясали озорные искорки. Увидеть его она не могла, зато почувствовала прощальный поцелуй заката. Неожиданно расправила плечи, толстая шаль соскользнула в примятый сугроб. Девушка нагнулась её подобрать, но через мгновение передумала, выпрямилась и спешно стала раздеваться до нижнего белья. Стоящий за кряжистым стволом ели паренек оторвался от зрелища и скрылся за деревом, закрыл глаза, с минуту простоял так, а потом потянулся обратно. На месте девушки он увидел незнакомую этим местам тварь, её и нежитью то не назовешь. Что в ней больше: человеческого или птичьего? Хотя на миленькую птичку она явно не смахивала. Лицо осталось все тем же, до боли родным и красивым. Выразительные черные глаза прикрывали тени от длинных пушистых ресниц. Только губы словно кровью налились, алые, как ягоды шиповника на заснеженном кусте, да волосы, подобно змеям на головах медуз горгон поползли наверх и сплелись в высокую замысловатую прическу. Теперь она не выглядела по-детски наивной, трогательно беззащитной. Ничего в ней не осталось от того хрупкого подснежника. Фигура – завораживающе притягательна, талию при желании можно было обхватить, сомкнув пальцы обеих рук, грудь увеличилась, и соблазнительно выпирала из кожаного лифа, да и

бедра тоже округлились в одночасье. За спиной два огромных черных крыла в её рост. Хороша, если бы не длинный львиный хвост с кисточкой на конце, да руки и ноги, перетекающие ниже локтей и колен в мохнатые лапы с клинками-когтями пугающей длины. Неестественной, вызывающей страх вперемешку с брезгливостью. Что за денек был у творца, мучавшегося над созданием гарпий? Тосковал по потерянной любви, вспоминая пылкие ночи, или решил, наконец, создать что-нибудь безупречно прекрасное, но потом передумал, тиранул на холсте судеб замызганным рукавом и с горькой усмешкой домулывал уродливые конечности? Рашаль печально улыбался, будто бы знал ответ на все вопросы. Гарпия переминалась с лапы на лапу. Они мерзли сильнее, чем человеческие ноги, не смотря на пух под пером и грубую кожу, словно прозрачно намекали: «Ты здесь чужая». Но упрямица не сдавалась, несколько раз подпрыгнула в нерешительности, поглубже вдохнула морозный, но оттого сделавшийся кристально чистым воздух, и стремительно вошла в небо, обогнав последний луч закатного солнца. Черная фигурка мгновенно уменьшилась до размеров бобового зернышка и застыла высоко над лесом. Тень от гарпии отразилась в облаках, укутывая добрую их половину тревожным темным коконом. «Сама душа сумерек», - мечтательно прошептал паренек, с неподдельной нежностью вглядываясь в чернеющий небосвод. Вспугнутые вороны с запоздалыми криками разлетались прочь от странной полянки, в спешке

роня незавидную добычу. Бобовое зернышко стало быстро увеличиваться в размерах, и вскоре Рашаль уже смог различать трепетание её крыльев. Гарпия спустилась так низко, что смогла коснуться лапами верхушек елей. Келено, не отрываясь, смотрела в сторону исчезающего солнца, словно пыталась надолго запечатлеть его в памяти. Или, все-таки, нечто другое? Да, похоже. Слишком напряжена, хмурится и покусывает губу. Она всегда кусает губу, когда волнуется. За миг до её рывка Рашаль все понял, но его оклик уже не смог бы остановить гарпию. Келено летела вслед за прощальным лучом солнца, словно пыталась удержать исчезающий в небытие последний выдох уходящего в Навь. Рашаль преданно всматривался в небосвод до тех пор, пока она не бросилась вниз подобно сорвавшемуся метеору. Сумерки поглотила в своем бездонном чреве тихая беззвездная темень. Наверное, небо затягивали тучи. Рашаль ещё некоторое время подождал подругу, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Попробовал попрыгать, но согреться все равно не получилось. Иногда ему так хотелось уберечь Келено от всего плохого, что неминуемо поджидает девушку на дороге жизни. А в том, что Келено непременно нарвется на неприятности, он нисколько не сомневался, руку на отсечение мог дать. Да только разве она его послушает? «Да нет, уже не вернется, а если и вернется, то врятли найдет», — устало заключил паренек и побрел к вороху промерзших насквозь вещей и готовой вязанке дров. До чего же ему не хотелось возвращаться

ДОМОЙ.

Глава 6

Всего лишь мгновение я продолжала надеяться, что увижу его. Но это был Енк. Он скакал на своем ахалтинце, безжалостно понукая измученное животное. И пусть капюшон плаща скрывал лицо, ошибки быть не могло: не Владимир. Неужели произошло что-то страшное, непоправимое? Почему Енк один? Однако предчувствие молчало, предпочитая не делать преждевременных заключений. Щепка беззвучного парения с распахнутыми крыльями за спиной, когда ветер с силой вдавливается в легкие, острое наслаждение свободой на грани с болью. Наслаждаться же неизвестностью не получалось. Пришлось спикировать перед ошалевшим всадником, слава Зевсу, вовремя втягивая когти.

–Бычий корень! Каддар!– Тролль продолжал нещадно материться, но отмахиваться не стал, разглядев в подслеповатых сумерках ту, к коей и направлялся.– Неплохо получается.

–Что?– довольно перебила я.

–Пугать одиноких путников.– Огрызнулся тролль, но взглядом помягчел.

Останавливаться он не стал, так и продолжал скакать к видневшемуся над верхушками елей шпилю. Я не препятствовала, пристроившись одесную. Ахалтинец даже не сбил-

ся с иноходи, только устало покосился и недовольно заржал, пытаясь отвязаться от непривычного существа. Не то, чтобы он меня испугался, просто был настороже, мало ли, что можно ожидать от странной «птички».

–Владимир...– полет, однако, отнимал много сил. Перевести дыхание получалось плохо.– С ним все хорошо?

Троль откинул капюшон, отчего я не без тайного облегчения отметила вполне сытую, лоснящуюся и холеную физиономию. Никакого намека на ужасные страдания или язвы.

–Было, когда я отправлялся в путь. Что ему будет то? Небось, нахрюкался с послами барматухи и девок лапает.

–Каких?– оторопела я.

–Каких, каких, – Язвительно огрызнулся троль.– Роскошных. Не то, что некоторые. У них, хотя бы, задница есть и эта... талия.

Ладно задница, но чем ему моя талия не угодила? А троль, не перебиваемый никем, продолжал мечтательно рассуждать, бойко жестикулируя свободной рукой. Лапища у него была, дай боже, с такой только на врага ходить, в качестве дубины.

–Талия. Да что ты вообще можешь знать, какие талии нравятся настоящим мужикам.– Выговаривал он подбоченясь.– Вот была у меня одна... Красавица. Грудь –во, задница –во! А уж если за талию приобнять, масолчики так и перекатываются. Хошь – в грудь добавь, хошь- и пониже...

Для пущей наглядности троль ещё на добрый фут ото-

двинул лапу, уважительно демонстрируя, как масолчики могут волшебным образом преобразать и так уже по-настоящему роскошных красавиц. Похоже, не издевался. Меня так и тянуло поправить ехидную ухмылку на его лице парой точных росчерков. Енк неожиданно замолк, зыркнул из под низких мохнатых бровей и оскалился, без труда прочитав мои мысли. Схватка между нами, случись она, была бы схваткой равных соперников по силе, но не по способностям. На моей стороне стремительность и ловкость, умение летать, на его – бычья силища и выносливость. В коротком бою, где надо показать все свое мастерство, мне нет равных. Но, если схватка неожиданно затянется, то, пожалуй, тут я проиграю. Как бы внушительно не выглядели крылья, но удерживать тело в небе могли всего ничего. Мой личный рекорд приближался к лучине. Ведь даже обычной лошадке требуется перейти на шаг после короткой иноходи, что уж говорить о нас, гарпиях. Вот почему стойкость ахалтинцев так поражала и завораживала!

–Он велел передать тебе письмо,– наконец сжалился тролль, похлопав себя по груди, обозначая тем самым место пребывания важной депеши.

Сердце радостно екнуло и суматошно забилось в нетерпении.

–Даже не думай. Я не собираюсь отдавать его прямо тут и мерзнуть ещё, леший знает сколько!

Оценив мой крайне недовольный взгляд вместо ответа,

Енк широко потянулся, разминая затекший позвоночник. Наслаждается властью, подлец!

–Пожалела бы лучше. Пятые сутки с Матерого не слазил,–
Добавил он вполне миролюбиво.– Не ел нормально. А у нас, троллей, вообще для верховой езды все плохо приспособлено.

–Это почему? – выдавила я, борясь с резким порывом встречного ветра. Интересовалась, но ответ давно знала: тролли вообще без крайней необходимости на лошадь не полезут.

–Задница мягче,– беззлобно огрызнулась мохнатая глыба.– Ты лучше в замок лети. Да вели мне на стол собрать, да чтоб вина налили или пива.

Он был прав, от моего сопровождения толку мало, вымонтаюсь только.

–Слушаюсь и повинуюсь,– съязвила я.

Но Енку понравилось.

– Пива то покрепче. Да просто так без дела не крутись, постель мне нагрей, что ли...– нахально скомандовал он.

Такую наглость моё ранимое девичье сердце терпеть не нанималось, я взмыла в небо и напоследок ловко метнула на голову троллю ком снега с косматой верхушки самой высокой ели.

Глава 7

«Милая моя, как я скучаю! Разлука сжигает меня изнутри. Молю богов поскорее увидеть свою любовь. Боюсь, моя миссия затягивается. Возможно, мне следовало послушаться тебя с самого начала и взять с собой. Надеюсь, ты смиротворишься и не станешь более меня самого наказывать любящее сердце. Приезжай. Жду с нетерпением и надеждой.

P.S. Во имя безопасности, не воплощайся. И слушай во всем Енка.»

Я вся светила, не пытаясь даже скрыть от невольных свидетелей моих, мягко выражаясь, нечеловеческих криков радости.

–Визжишь, как тот порось, которого к излому зимы режут,– криво констатировал Енк. Он даже не стал стягивать грязные сапоги, так, в чем был, и завалился за стол. В бездонном желудке под завязку наполненном долгожданным гномьим пивом, мгновенно утонули два полусырых окорока. И теперь тролль таки сделал короткую передышку, боюсь не рту, а только набитому брюху.

–Почему к излому зимы?– обижаться на грубияна совсем не было настроения, тем более, новости приятные. Но и спускать такие замечания тоже нельзя. Короче, я задумалась больше, чем следовало, и вопрос вышел какой-то глупый.

—Ну,— тролль благодушно уставился на «тупицу» и рыгнул,— потому как радуется, что на праздник позвали!

Рашаль, до этого наблюдавший за Енком в абсолютном молчании, подался вперед и, рискуя получить оплеуху, отодвинул к себя початую троллем кружку.

—Объясни,— зашипел он на товарища.— Келено там может угрожать какая-то опасность?

Тролль не придавал значения вялым попыткам мальчика привлечь к себе внимание, без труда вернул пленницу на законное место и одним точным рывком выплеснул хмельной довесок в горло. Придирчиво оглядел стол на предмет поживы и, оторвав полусырой кусок мяса от чьей-то слегка заветревшейся бедренной кости, старательно заканапатил им рот. При этом он умудрился ещё и говорить.

—Внешне все шпокойно. Но иногда меня так и подмывало вжвалить Владимира на плешо и дать оттуда штрекоча. Плохое мешто. Вроде вше дела улашены, а они вшо тянут гнома за бороду. И вообще они там вше штранные. Не шнаю, как и объашнить. И Владимир тоше штранный штал. Чушой какой-то. Говорит мало.

—Насколько странный?— не унимался Рашаль, буравя взглядом вмиг погрустневшего великана.

—Да не узнать его.— Наконец-то дожевал рассказчик и, одобрительно разглядывая кулеш, облизал мохнатые лапы с короткими толстыми пальцами.— Друзей новых завел, все с ними ошивается, а за меня совсем забыл.— Подумал и доба-

вил.— В баню четвертого дня не пошел!

На округлившееся в священном ужасе глаза захмелевшего тролля страшно было смотреть.

—Может, и девушки у него там новые есть?— как бы невзначай, совсем без интереса, поинтересовалась я.

—Может и есть, лучину не держал,— скабречно отрезал громила.

А в ушах у меня предательски зашумело, как будто бы крылья разом онемели и костяная глиняная земля со страшной силой неслась мне навстречу. И заныло, заскулило от обиды обманутое сердечко. И почему последний месяц переплавил сильную, независимую гарпию в жалкую дуру? Ишь ты, позволила себе разнежиться, размечталась. Вот и получи-чай, раз мало жизнью ученная! Я снова посмотрела на помятый листок, чернила заморгали и поплыли синими кляксами.

ЛиККар Лаб, щепку назад умилительно наблюдавшая за моим радостным лицом, нахмурилась, протянув к посланию маленькую, почти детскую лапку.

—Дай ка, — быстро пробежала по смятому листку глазами и, уронив на стол, гневно прихлопнула сверху.— Ты чего это, дубина, девку до слез довел?! Тролля праматерь, котелок лопоухий! В баню с тобой Повелитель не пошел! Станный, — Зло передразнила гномиха.— Ну и ну! Был бы не троллем вонючим, а девкой красной- другое дело. А так, как не глянешь, чисто задница волосатая. Клопов бы лучше клопогоном погонял, чем о Владимире тосковать, цветик синецве-

тик! Да кто ты ему есть? Слуга! А что дружите с детства, так это только его на то желание! Письмо то, поди, раз сто прочел? Чего zenки от меня воротишь?

Енк сначала удивленно поднял брови, подбирая в уме слова, чтобы похлеще ответить неожиданной заступнице, но потом окончательно растерялся, и ответ вышел совсем уж нечленораздельным. ЛиККар Лаб словно и не замечала жалких потуг к диалогу.

—А может, это тебе сам Повелитель приказал про девок брехать? Ну, говори! То- то. И нечего отсебятину нести. В письме-то какие слова теплые, впору и от счастья повизжать. А может, ты завидуешь?

От последних слов тролль застыл с куском лепешки возле раззявленного рта, а потом и вовсе подскочил с места, с грохотом роняя на пол дубовую скамью.

—Тьфу ты, бабы-дуры,— рука с лепешкой в последнем порыве метнулась ко рту, но была поймана прицелом его же глаз. Енк брезгливо уставился на ломоть, мгновение поразмыслил и остервенело зашвырнул им между мной и ЛиККар Лаб.— Собирайся, на рассвете едем!— коротко бросил он и, круто повернувшись, отправился к себе.

А я возликовала и одновременно оробела. Вот как увидит меня Владимир и рук своих не протянет. А хуже того скажет: «По что приехала? Неужто поверила и возомнила?» Думы менялись у меня в голове с пугающей быстротой. И страшно было и трепетно. Манила меня дальняя дорога, тянули к се-

бе новые места, вкусно пахнущие свежим лесным воздухом. Отчего так? Не ведаю. Может, стосковалась я по Владимиру, а может отсидела себе бока, в бездействии и тоске поглядывая за ворота замка. Чего мечтать? Утро вечера мудренее.

Енк, наверняка, заснул: дорога была долгой, а завтрашний день тоже обещал тяготы – да только у меня не получалось. Ни овечки, ни вороны, понятное дело, не помогали. Да и какой тут сон, когда, дней через пять, а если не останавливаться на ночлег, то, пожалуй, даже через три, я увижу Владимира? Что с ним стало за последнюю луну? И увидеть желанного хотелось до дрожи в коленях, и боялась нашей встречи. Будь что будет!

К часу ночи я с удивлением обнаружила, что упаковалась в дорогу неожиданно тщательно, а лучше сказать, взяла все, что стала считать своим за последние две луны. Призадумалась и совсем не заметила бурной деятельности рук. Серебряное зеркальце и костяной резной гребень, которым по привычке я гладила косу перед сном, аккуратно завернутые в тряпицу, покоились где-то в недрах дорожных сумок. Не отыскать уже, решила я с раздражением. А количество этих самых сумок перевалило за полдюжины. Такую поклажу на ахалтинца не навьючишь, а если и выйдет все прицепить, то Буран станет походить больше на верблюда, чем на дорогого норовистого скакуна. Пришлось вывалить содержимое на постель и еще раз все придирчиво оценить, к сожалению, ополовинить не получилось: ничто решительно не желало

исключаться из списка жизненной необходимости для юной девушки, направляющейся на судьбоносную встречу с женихом. А ведь раньше такие приготовления в лучшем случае вызвали бы у меня только презрительную ухмылку. Зевнув, я потянулась, разминая уставшие плечи и справедливо решила не тратить время на выбор, а по простому отдаться на волю случаю. Возьму утром наугад что полегче.

Глава 8

Поначалу Енк попробовал упираться, в тайне надеясь, что я все же передумаю и захвачу с собой только съестное. Рашаль ему не помогал, считая это совершенно бессмысленным занятием. Он на собственном опыте (все-таки на луну больше, чем у товарища) убедился, что противоречить женщине, да ещё и гарпии, себе дороже.

–Миски?! – экзальтированно вопил тролль, вознося лапы к небу.– Ты взяла в дорогу дюжину мисок!

–Ну,– Я неуверенно покосилась на сумку, содержимое которой произвело на Енка такое глубокое впечатление. Похоже, с мисками действительно был перебор.– А если бульону захочется, а потом сразу каши и... помыть негде.

Объяснение получалось смазанным и крайне неубедительным. Рашаль скромно похихикивал за спиной. Я тихо бесилась. И зачем он выставляет меня на посмешище? Достаточно было просто поговорить с глазу на глаз. По правде говоря, сегодня все начинало видеться в другом свете. Я посмотрела на себя с их стороны. Девчонка несмышленная.

–Двенадцать!– торжественно пересчитал тролль и устался на Рашаля с многозначительным раздражением.– Ты чего замолк?

Рашаль в ответ лишь виновато пожал плечами.

–Понимаешь, Келено. Это немного не-ра... Енк, скажи.

–Нерационально.

–Вот, вот.

Я устало махнула рукой.

–Ладно, возьмем пол дюжины.

Енк тут же отсчитал шесть мисок и выкинул в примятый сугроб обочины. Я вздохнула. Каждую вещь приходилось прямо таки выбивать с боем. Хотя сопротивлялась я больше из-за упрямства. Да ну их. Уже поворачиваясь к троллю спиной, я заметила, как Рашаль подмигивает Енку. В ответ на что в ближайших кустах приглушенно тренькнуло три раза. Так, понятно. Но спорить уже не хотелось. Я угнездилась на почерневший от сырости пенек и покорно уставилась вдаль.

–А это что?

О, мой Зевс. И как я могла позволить ему копать именно здесь? Поворачиваться не было нужды, но я все равно обернулась. На мясистом пальце Енка, брезгливо отведенном в сторону, сиротливо покачивался мой запасной лиф, заботливо вышитый Окипетой. Тончайший шелк позволял складывать его неприметным свертком величиной с хороший орех и держать всегда при себе. Подарок ведь. Трогательные котятки с бантиками на хвостиках, целующиеся поросята и большой, неуклюжий, ошетилившийся ёж посередине, подозрительно похожий на клыкастую колючку. Наверное, задумка сестры выглядела несколько иначе, но на тот момент Окипета умела вышивать только это. Вообще то, все

можно было перевести в шутку. До этого момента...

–Малец, погляди ка. Поросятки. И котятки, кажется. И большая рыжая какашка! О, нет, нет, извините, я ошибся. Это же...

–Не смей брать его!– поспешила гаркнуть я.

–Знаешь,– Добавил тролль с показным уважением.– Не ожидал. Ты довольно смелая девчонка, раз отважилась такое напялить! А правда, если не секрет, чей же это автопортрет?

–Портрет,– Поправила я.

–Чей же?– Тролль расплылся самой масляной и отвратительной, из всех масляных и отвратительных своих гримас.

–Одного умника, который рискнул посмеяться над гарпией.

Енк стих, размышляя, куда ему причислить ответ: к шутке или угрозе. И остановился на нечто среднем.

–Да. Мы, тролли, тоже коллекционируем изображения своих поверженных врагов, в виде татуировок.

–Никогда не замечал,– задумчиво вклинился Рашаль.

–А я не хвастливый,– Осклабился тролль.– Но таким друзьям, как вы, покажу...

И с этими словами лохматый негодник ловко стянул штаны, демонстрируя мне совершенно лысую, вполне человеческую розовую задницу. Я тут же поняла его стеб.

–Но тут же ничего нет!– деловито изучив вещественное доказательство, констатировал малец.

–Неужели?– фальшиво изумился мерзавец.– Надо же,

сползла. От трения, наверно.

–Это ничего,– Пообещала я.– Щас новую нанесу. Не со-
трется!

–А ты умеешь?– серьезно уточнил Енк.

–Умею, умею,– злорадно заверила я.– Котят, поросят и
какашки!

По вспыхнувшим ушам тролля я осознала, что перепалки
нам не миновать. Не скажу, чтобы я мечтала в неё ввязаться,
но уступать Енку не собиралась.

–Келено, ой, Келено, извини. Я совсем забыл. Тебя же
ЛиККар ищет. Очень, ну очень просила заскочить к ней пе-
ред отъездом.

Мы с троллем стояли друг перед другом решительными
каменными изваяниями.

–Прямо сейчас.

Наше молчаливое противостояние продолжалось ещё
около щепки, а потом я словно опомнилась.

–Да, хорошо, прямо сейчас.

И быстро зашагала в сторону кухни, только по дороге по-
нимая, что мальчишка развел нас почти вовремя.

Глава 9

В итоге, поклажу разделили по-братски: Бурану достались четыре моих сумки поменьше, на Матерого взвалили одну мою, и две тяжелые сумки с припасами. Рашаль, верный друг, отправлялся в путь с нами. Для него из конюшни вывели молодую кобылку- Рыжуху. Ей выпал жребий на одну из моих сумок, поклажу Рашаля и туесок со съестными припасами.

Гномы стояли у ворот и трогательно махали платочками вслед каравану, удалявшемуся на запад.

–Вишь, как расчувствовались. Я так прослезился, только когда с тещей прощался,– прогундосил Енк, звучно высморгнувшись в горсть.– Небось, последний бочонок пива откупоривать не хотел, а тут неожиданная удача: враз все жильцы съехали.

–Ну да. Славно видеть, что хоть кому-то ты ещё доставляешь радость,– с ехидной ухмылкой вторил ему Рашаль, любовно поглаживая бок Рыжухи, на котором глухо побулькивала его сумка.

Побулькивала?!

Я оглянулась махнуть напоследок ЛиККар Лаб и наткнулась на стремительно прояснявшийся взгляд её супруга. Секунду ещё он бережно сжимал в объятьях плотную фигуру

жены, потом нахмурился и стремглав рванул за ворота. На сей раз ученому жизнью гному хватило мгновения, чтобы убедиться в правильности ужасной догадки. Он тут же возник за воротами, свирепо бранясь и потрясая над головой до боли знакомым бревном. Как ни хотелось ему запустить его вслед мирно удалявшемуся каравану, но пряткий воришка уже давно миновал черту спасительной недосягаемости.

–И сколько тебе зим, малец?– снисходительно поинтересовался тролль, умиротворенно разглядывая яростные прыжки беснующегося гнома.– Ведаешь ли, в Вессии за кражу да разбой с четырнадцати по тюрьмам маются?

В голосе сквозила угроза. Двуручный меч, плавно и неотвратно, как сама кара небесная, качнувшийся на поясе тролля, добавил словам угрюмой основательности.

–Двенадцать,– молниеносно выпалил паренек. И хотя выглядел он гораздо старше, но решил не гневить почем зря судьбу и сторговать себе пару веселых годков.

–Ляпота, – зевнул тролль, поравнялся с лениво трусящей Рыжухой и без спросу не взирая на вялые возражения отрока перекинул пузатую котомку Рашаля к себе.– Пиво-то, балда стоеросовая, опять же, только с четырнадцати позволительно. Слышал, поди, указ новый?! А чтоб не налегке был, на вот,– и в руках растерянного мальчика принудительно возникла самая «малоценная» из поклажи Матерого. Моя, разумеется.

Заполучив львиную долю всего провианта, Енк заметно

подобрел, привольно развалился на ахалтинце, насколько позволяли тугие тюки, и уже вполне милостиво зыркнул на нас.

–Итак, отряд, слушай мою команду!– по довольному лицу тролля пробежала рябь наслаждения. Правда, уже через мгновение громила замолчал, раздумывая, что бы этакое приказать. Ощущение собственной значимости ему необычайно льстило, портил настроение только погрустневший малец. – Ежели по грамоте судить, я у вас – главный! А на счет Рашалья вообще разговор не шел. Так что, проказить станешь, продам горным троллям на рудники. Мы как раз третьего дня там проезжаем. Уяснил?

–Раздумываешь, на что лучше меня сменять?– не растерялся обманутый малец и многозначительно повел бровью, намекая на неумные аппетиты Енка.– На сосачий леденец или масляную ватрушку?

–Я?!– взревел ошарашенный такой наглостью тролль. Его прежнюю благожелательность как ветром сдуло.

–Ты!– глумливо подтвердил Рашаль.

–Ах, ты, гномья закуска! Махар!

–Я же говорил!– многозначительно кивнул Рашаль.– Кто толком ответить не может, обычно здорово бранится.

–Я смотрю, каддар, ты слишком умный?!

–Кто? Я?

–Ну не я же!

Мгновение Рашаль ещё соображал, что ответить, но спу-

стя щепку торжествующая улыбка осветила проказливое лицо. Пауза затянулась, и малец согласился с тем, что на этот раз последнее слово останется за более «умным».

Глава 10

То, что ночевать придется на самом, что ни на есть, лоне природы, я, конечно, предвидела, но тупо рассчитывала на лучшее. Надежда растаяла, когда Енк недовольно заерзал в седле и скатился в сугроб с Матерого. Кряхтя на свою тяжелую участь, устало намотал поводья на загнутый кверху еловый сук и стал неторопливо и деловито распрягать коня. Впрочем, ровно настолько, чтобы добыть себе из чересседельной сумки аккуратно свернутый валиком тюфяк. Наши лошадки неуверенно топтались на месте, вразнобой прядя ушами и с надеждой утыкаясь голодными мордами в поклажу тролля. Вскоре остальная часть отряда осознали, что их участь predetermined, и принялись угрюмо разводить ночлежный костерок, обмениваясь короткими, ничего не значащими замечаниями. Опытный Енк выбрал хорошее место, безветренное, но все же, не безупречное.

Темнота подступала незаметно, сначала клоками возникла в глубине пуши, потом осмелела и туманом засочилась на полянку. Сушняк нашли без труда, по дороге наломали лапника для подстилки. Но как бы тщательны не казались ночлежные приготовления, от неумолимого холода они не спасали: мороз пробирался под тяжелые козышки, покалывал неосторожно выползающие из укрытия конечности до

зябкого онемения. Бархатный небосвод так низко навис над краснеющими угольками, словно пытался накрыть путников узорным одеялом. Троль с сожалением отпихнул ногой початый бочонок, какое уж тут пиво, не окоченеть бы. Я набрала снежка почище и топила его в закопченном котелке, чтобы в последний момент перед закипанием кинуть пучок засушенных травок и настоять душистый чай. Рашаль нарезал копченое сало брусочками.

–Келено, а ты сама откуда? Почему так хорошо знаешь наш язык?

Я на минутку задумалась, мечтательно скользнула взглядом по Южному Кресту, серебрящему сейчас самую макушку небосвода моей родины. Что рассказать, как объяснить наше бегство? Деревянная ложка вильнула в котелке и, стукнувшись о железный бортик, выскочила из пальцев. Но потерялась ненадолго, вскоре всплыла и, нахально подмигивая, замаячила в кипящем вареве. Ловить её нежными девичьими пальцами казалось большой ошибкой, просить мужчин о такой малости –признанием своей беспомощности. Я не терялась, потихоньку освободившись от одежды, которая ненароком могла повредиться. Внизу живота привычно защекотало, и болезненная ломота разлилась по телу. Рука стала тигриной лапой, а пальцы – синеющими в свете луны лезвиями, бесстрашно захватившими ложку, почти наполовину погрузившись в котелок. Рашаль с нарастающим интересом наблюдал за моими кулинарными манипуляциями.

–Больно?

–Да нет,– равнодушно ответила я, вдыхая сырой, ничуть не потеплевший за день воздух.

Ближе к окоему млечный путь нырнул в озеро сизого тумана, паучьим коконом повисшего на ветках плакучих берез. Часто мерцали умытые звезды. Красиво. Как дома.

–Я имел в виду превращения. Можно я изменю свой вопрос? Почему ты вообще умеешь превращаться? Ведь гарпии, если я не ошибаюсь, этого уметь не должны?

Вопрос за вопросом. Но, почему бы ни ответить, раз занять себя больше нечем. Я потянулась, на ходу меняя облик на привычный спутникам и, одновременно, накидывая на озябшие плечи остриженную козью шкуру. Достала из сумки три миски и неспеша разлила по ним травяной чай.

–Ты прав. Гарпии не умеют превращаться в людей. Более того, мы с самого начала времен не находим общего языка друг с другом. Но, неисповедимы пути богов! Моя мать- гарпия, которая никогда не имела другой ипостаси. Отец- человек. А я и сестры умеем воплощаться.

–И где сейчас твои родители?– Енк, сам того не ожидая, тронул самую натянутую струнку моей души.

–Умерли,– уклончиво ответила я, протягивая троллю глубокую дымящуюся миску, на поверхности пахучего настоя еще плавали сморщенные кусочки сушеной малины. – Пей, пока не остыл.

–Ты сильно их любила?– не унимался Рашаль, словно не

просто пожелал засунуть руку в осиное гнездо, но и, не взирая на последствия, как следует там поворошить.

–А Ты? Ты сильно любишь маму и сестер?

Рашаль сглотнул и понимающе уставился под ноги. Енк молчал, я – тоже.

–Кел, скажи, тебе хотелось изменить что-нибудь в своей жизни?

–Что за странный вопрос?

–Нет, не уходи от ответа,– не унимался Рашаль.– Вот если бы у тебя была возможность переиначить свою судьбу, ты бы исправила прошлое, настоящее или будущее?

–Будущее?– с усмешкой переспросила я.– Разве будущее можно исправить? По-моему, его можно только предугадать.

–Ну,– замялся Рашаль. – А ты представь, что все-таки можно.

–Все равно, как-то нелепо получается, пусть даже и можно, так ведь кто ж его знает, какое там мое будущее? Не ты ли?

Мы замолчали и уставились на мальчика.

–Нет, нет, конечно. С чего ты взяла?– Смутился отрок.– Забудь про будущее. Скажи тогда, настоящее и прошлое изменила бы?

Что сказать? Может, – да. Не отпусти я Ахилла, он остался бы жить. Вернулись бы мы с сестрами не щепку раньше, и мама с отцом... Что говорить? Что думать? Никто не может изменить свою судьбу. На то и есть она такая. И все же, его

вопрос заставил меня задуматься. Счастлива ли я? А ответ, лежащий на самой поверхности, вовсе не радовал.

Я смахнула с лица тревожную задумчивость и немного натянуто улыбнулась мальцу, поделилась с ним миской с крепким настоем. Дурмящий аромат ненадолго отвлек Рашаля. Енк достал из сумки сухари и вывалил пригоршню на импровизированный стол.

–Поджаристые, ещё не успели отсыреть, – И закинул добрую дюжину в рот, показательно заработав челюстями.

Я последовала его примеру, давая понять, что не собираюсь поддерживать бессмысленный, а временами и болезненный разговор. Рашаль же ничуть не расстроился, протянул нам сало на импровизированном блюде из березовой коры, аккуратно убранным промасленной тряпкой, и завалился на спину, подложив руки под голову и приготовившись безмятежно и с особенным смаком созерцать хитросплетение далеких созвездий.

–Однажды к нам в Отрыжек, – подражая величественно заунывным голосам менестрелей, спустя щепку начал он, – пришел старый баечник. Морщинистый весь, седой. Рассказывал о разных странах, о монстрах неубиенных, мороках и страшных болезнях. Верил я тогда, будто он сам сподобился кругом побывать. Ночевал старик с нами в избе: мать пустила в обмен на сказки, занимающие меньших сестреноч. Помню, лежал я на печи и слушал о диковинных странах. А потом он стал расспрашивать уже нас. Выведать хотел, ве-

рю ли я в перерождение и жизнь после смерти. Каким богам требы кладу. Стал задумчивый такой, невеселый. Не часто такого умного человека увидишь. Это я уже теперь понял, а тогда то и вовсе оторопел. Можно сказать, да и скажу, чего там, жизнь мою та встреча переменяла. Стал я подумывать на другие миры глянуть. Из дома решил уйти. И, как видите, ушел, работать устроился. Еще подумал, повезло мне. Троллей я, до того времени, в глаза не видал. А тут, цельный замок! Страшно, правда.

Енк милостливо промолчал.

– Да я все не о том. Тот старик с нами, ребятней несмышленной, думами своими поделился. Рассказал о других богах, не нашенских. И еще... Мол, знаю ли я, будто всякая душа не гибнет, а в кромешный предел до срока уходит? И потом опять жить вернется? А я думаю, дай, у старца спрошу, Правда-то где? Он же хитро так косится и ведает, будто Правда и есть то, что ты сам себе выбираешь. Богов много: наши, герерьские, те, безымянные, что стены Оркреста подняли, гномьи, тролльи – выбирай. И оттого так, что боги они только для нас, в этом мире живущих. Это как мы для букашки любой высшими существами кажемся, а ежели верно посудить, то и не существами, а самой природой, что волю свою не спросясь вершит. Есть, баит, другие миры, населенные нашими богами. Вот оно как! А мы для них, словно мухи несмышленные. И есть боги, что позволяют верующим душам много жизней отжить. Наутро он ушел, так и не поведав

всей Правды. А меня с тех пор мысли всякие мучают. Про богов, и вообще... Ежели люди по многу раз живут, то кем я был раньше?

–Философом, – лениво нашелся тролль, а я беззлобно хмыкнула в кулак.

–Почему философом?– уважительно осведомился Рашаль.– Потому, что они много думают?

–Думают, что самые умные, мелят ерунду, а до дела руки не доходят!– Енк заметно устал и не был расположен к заумным беседам.– Иди ка, лошадей лучше почисти. Щетка и скребница одесную лежат, аккурат в твоей сумке. Да поживей, а то ночь на носу. Сморит, так ничего и не успеешь. За зря что ли кормим?

Рашаль надулся, ища у меня заступничества, но вставать с нагретого лежака все-таки пришлось.

Глава 11

Денек выдался наредкость теплым. Полуденное солнце игриво подмигивало путникам, топя хрупкую корочку наста под копытами ахалтинцев и разбередив до галдежа зимовавшую в ельнике птичью стаю. Их недовольный гомон звенел в ушах, добавляя и без того погожему деньку весеннего очарования. Малец честно попытался отчистить лошадок. Но, толи темно было, толи молодой организм в конце-концов потребовал свое, его работа угадывалась только на правом боку Рыжухи, да и то с некоторым натягом. Хотя паренек клялся и усердно на все стороны божился в обратном. Енк досадливо хмурился, время от времени потягивая затекший от неудобного самодельного лежака бок. Да и мне пришлось туго: с непривычки мышцы спины и сидалища ворчливо соревновались, кто кого перенудит. От чрезмерной одежды все тело покрылось легкой испариной, а волосы под шапкой слиплись и теперь змеились по влажному лбу. Но обманываться нежданно теплым утром и поспешно стаскивать зимние тулупы никто не спешил.

—В народе говорят, ежели Студень теплым будет, то с озимых урожая не жди,— со знание дела констатировал малец.

—На кой нам озимые? До весны бы дожить! Вишь, тишина какая! Не нравится она мне,— мрачно сопел тролль, почу-

живая волосатое брюхо через душегрейку. Птицы его скептицизма не разделяли. Галдели себе на все лады, словно очумелые.

–Ничего себе «тишь». Такой впору рыбу на запруде глушить! Просто ты последнее время подозрительный шибко,– меланхолично наблюдая за перелетами с места на место вертких пичужек, напомнил ему Рашаль.

–Что то не нравится мне тут,– поморщился тролль, отрываясь от любимого занятия.– Как-то слишком хорошо. Снег белый, солнце яркое, птицы звонкие...

–О...– жутко округляя глаза выдавил парнишка.– Так НЕОБЫЧНО... Хотя, чему удивляться? Если бы ты видала те светелки, где больше двух дней кряду ночевали тролли... Меня как-то заставили такую отскоблить. Седмицу...

К моему изумлению, огрызаться дальше Енк не стал, только тревожно вглядывался в тропу перед собой.

–Ну ка,– перебил тролль и, не отрываясь от занятного зрелища, протянул десницу Рашалю.– Чикни меня. Сколько себя помню, за этой пущей никакого городища и в помине не было! Чтоб у меня грудь облысела! Каддар! Да не так же сильно!

–Так может, заблудились?– робко предположила я и тоже самозабвенно уставилась вдаль, словно это могло нам хоть чем-то помочь.

–Ещё чего! Я ж здесь только надысь проскакал. Следы ещё не замело, поди,– Енк зыркнул на снег под копытами ахал-

тинцев и не стал развивать эту тему дальше.

С каждой минутой городище все боле приближалось, вот уже видны крепко сколоченный тын и маковки высоких домовин. А поблизости нет ни души. Издалека же он казался каким-то кукольным, словно вылепленным из разноцветного воска.

–Нежилое будто,– поделилась я сомнениями со спутниками.

–Не нравится мне это место,– засопел Енк.

Рашаль глумливо усмехнулся. Но сказать ничего не успел, так как именно в этот момент нашим глазам, неожиданно вынырнув из-за придорожного холмика, предстал настоящий былинный камень на перекрестье дорог. Прямо – град со стойким ощущение лубочной картинки, одесную- широкая степная колея, разъезженная санями до мерзлой сероватой земли, ошуюю- узкая, но явно хоженная тропа, терявшаяся в густом ельнике. На камне уверенная рука начертала название городища, если верить надписи – Веретеньи Кучки, стрелка одесную гласила – «к мельнице», другая – «к знахарке». Там же, только пониже, размашисто значилось: «Стеша, налево пойдешь – убью! Жинка».

–Спросить надо, что за места. И лучше сейчас, пока совсем не стемнело, да в конец не заплутали,– выпалила я, с надеждой вглядываясь в хмурые, усталые лица путников.

К всеобщему удивлению, никто не был против. Рашаль молчал, стараясь неверным словом не нарушить хлипкое пе-

ремирие. Он с надеждой и легким нетерпением поглядывал туда, куда предположительно зачастил незнакомец Стеша. Наверняка тот самый Стеша, сам того не осознавая подсказавший нам путь, плохого не посоветовал бы. . .

– Может, в град то и не пойдем? Далековато, да и народу там много, – осторожно заметила я. – Предлагаю, на мельницу.

Дорога к мельнице показалась мне почему-то менее опасной: и лес там кончался, и колея наезженная, а значит, работа кипела даже зимой. Мельник делал муку, получая за это законную мзду. А там, где деньги, все понятно и прозрачно: заплатим и узнаем. Благо, Владимир не поскупился на дорогу, распорядился дать нам кошель золотых и серебряных монет, да ещё медяшек несчитано, для удобства. Парни разговорчески переглянулись: женская логика.

– Нет, – уклончиво протянул тролль. – Мне больше туда нравится. У бабы и откусать можно, и порасспросить о том, о сем. Вы же любите потрещать, аки сороки на ветках.

– Ой, ли? Баба бабе рознь. А вдруг – ведьма? Запудрит мозги, в чащу завлечет и порубит на хаш?

– Не. Какой же их тролля хаш? – с сомнением ретировался на мою сторону малец. – На бульончик разве что. Кожа дубовая, щетинистая. Правда, если обсмалить, – добавил он, задумчиво почухивая за шиворотом.

– Я те обсмалю. – От такой наглости Енка прямо перекосило. – Я тя, порося молодая, на котлетки вмиг настрогаю. С

тем расчетом и брал, консерва.

– Да не страшная она вовсе, – на ходу обдумав свое положение, нашелся Рашаль. И немедленно выказал небывалую мужскую солидарность. – Я – за.

А раз уж они вздумали сплотиться, то противостояние представлялось мне занятием, заранее обреченным на провал. На том и порешили.

Изба стояла на краю лесной еланки. И выглядела так же приветливо, как домик Бабы-Яги, только курьих ножек не хватало. Низкая, угрюмо расплзшаяся по холмику, словно мох на камне, с подслеповатыми оконцами, затянутыми мшистой паутиной. Солнце хорошенько поработало сегодня, блюдами обнажая пожухлую дернину с проплешинками из глинистой земли. То тут, то там из снега выступали черепа, взиравшие на путников с легким оттенком нетерпения: «Идите, идите, а то скукотища здесь смертная. Старые рожи уже надоели, не с кем и словом перекинуться». Я затравлено огляделась: вроде, человеческих среди них не было. Спутники замешкались, обменявшись сомневающимися взглядами, но движение продолжили. А может, каждый из них с надеждой ждал, чтобы товарищ струсил первым. От гулких ударов в низенькую дверь компания, не сговариваясь, вздрогнула и поглубже втянула шеи в поднятые ворота тулупов.

– Ты чего? – покосился на Рашалья тролль.

– А что, будем стоять, пока сама не откроется? – заносчиво рявкнул малец и поправил съехавшую на глаза шапку.

На голоса забрехала собака, но как-то нехотя. Всего лишь пару раз. Псины никто не увидал, зато присутствие живого существа немного меня успокоило. За дверью послышались сдавленный шепот и вроде даже стоны, перерастающие в сдержанные похрюкивания. Замешательство на лицах товарищей уверенно сменялось непоколебимой решительностью, которой не доставало только легкого толчка. Для стремительной капитуляции.

—Никого нет,— с плохо скрываемой радостью отчеканил Енк и развернулся шагать в противоположную сторону.

—Так и знал, надо было к мельнице идти,— поспешил вставить довольный отрок. (Я лишь удостоила его снисходительной ухмылкой). —А что? Лучше б одесную потопали полбу трескать! Стоим тут, подле ручки, мнемся, как собаки над кустиком. А ну, открывай, ведьма косматая!— расхрабрился малец, с силой потушив кулак о ссохшийся от времени дверной косяк.

Енк сжался, как от удара плеткой и в смятении уставился на барана. Но было поздно. Шагов за дверью никто не услышал. Зато скрип засовов мазнул по сердцу, как острый коготок по стеклу. Дверь повисла на верхней петле, из недр избы на нас устрашающе пахнуло тушеным мясом. И мне пришлось усилием воли сдержать завтрак, бескомпромиссно рванувший наружу. Енк и Рашаль выглядели не лучше, как-то стремительно сбледнув с лица. На пороге, улыбаясь нам во все десять зубов, стояла Баба Яга.

–Ну, чего вам? Надо ж было в такую глушь затемно тащить-ся! Неужто грибочками притравились?– проворчала бабуля, оправляя задравшуюся поневу и внимательно, из под нахмуренных бровей, разглядывая синие от ужаса физиономии смельчаков, не выказав, тем не менее, немедленного позыва сварганить из них похлебку. Да и выглядела она в целом вовсе не устрашающе. Годы выдавало только лицо, прорезанное сеткой морщин, да выцветшие со временем глаза. Тело же осталось на удивление справным, а из-под цветастого платка свисала русая коса-предмет бабьей зависти.

–Да нет,– отважно нашелся Енк, зачем-то подражая бабовитым речитативам былинных богатырей.– Ты, бабуля, прежде чем вопросы задавать, лучше нас накорми и напои. . .

–А может, вас сразу «спать уложить»? – ехидно закончила старушка и, кокетливо сморгнув остатками ресниц, недвусмысленно ослабилась навстречу «добру молодцу». Енк остолбенел в прямом смысле слова.

–Бабушка, вы уж нас извините.– По всему, я избрала лучшую тактику, пустив одинокую слезинку и зябко кутая красные от мороза ладони в тулуп. – Мы, похоже, заблудились. Места у вас незнакомые. Да и ночь близится. Можно мы у вас переночуем? А то в лесу во-о-олки во-о-оют.

Бабуля покосилась на путников, за спинами которых устало ковырялись в снегу три роскошных лошадки в дорогой упряже, и деловито закатила глаза. Решалась, надо полагать.

–Мы заплатим,– понял её намек Рашаль и достал из-за

пазухи толстый холщевый кошель.

Бабка только бровью повела.

–Тимку заплатим,– добавил Енк, тотчас демонстрируя неуступчивой старушке золотой.

Нам с Рашалем пришлось только глупо раскрыть рты. Но бабка свою выгоду упускать не собиралась. Я красноречиво посмотрела на транжиру, мысленно обложив его отборным тролльим матом, а Енк, гордо шествуя за старушкой, поспешил-таки вслед сторговать нам ужин и, обрадованный легким успехом, намекнуть на ранний обильный завтрак.

Вход в избу лежал через холодную клеть, где, затейливо развешенные на стенах, ждали своего часа всевозможные травы, сушеные лягушачьи шкурки, кроличьи лапки, хрупкие скелетики летучих мышей и прочая необходимая травнице пакость. Я с интересом окинула взглядом коллекцию, оценив несколько довольно редких вещичек. Бабуля толк в своем деле знала.

–А откуда у вас столько черепов на дворе?– окончательно осмелела гостья, вилля узкими проходами между холмиков пшеницы, репы и лука.

–Так для работы ж, деточка.

–Э... В смысле... А почему они тогда на земле разбросаны?

–Так все просто. Поймается в силки зверек какой, я им откушаю, а вот головы, как не приноравливалась, не люблю. Глаза там, мозги – не мое это. А для работы черепа нужны.

Я и кладу их на полянку перед домом. Что помясистее, вороны приговорят, а уж остатки муравьи вчистую разнесут. Заодно и антураж получается: ведь не каждый в такое логово сунется. Надясь даже медведя отвадила.

—И правда, мы поначалу тоже струхнули,— поддакнула я, решив, что оказаться в медвежьей компании ничуть не зазорно.

—Говори за себя, — упрямо буркнул Енк.

—А почему они до сих пор на земле валяются, зима ведь и муравьев уже нет,— не унимался Рашаль.

Я обернулась: малец тащился последним, старательно приносиваясь к пучкам на стенах.

—Так занести все никак не сподоблюсь, руки не доходят. Да вы заходите в светлицу, не стесняйтесь,— разохалась старушка, пропуская нас вперед.

Малец поотстал, вертя в ладонях бурый блинчик в палец толщиной. Понюхал, лизнул, прислушался к ощущениям. Я брезгливо передернула плечами, но промолчала. Неужто можно быть настолько слепым, чтобы не различить засохшей козьей лепешки? А ещё на печище жил.

Изба была низенькой, но довольно просторной. И хотя, при желании, можно было дотронуться рукой до матицы, мы имели все шансы разместиться внутри, не стесняя друг дружку. Посередине светелки стояла печь, наполняющая избу приятным теплом, на шестке томился котелок с тушеной козлятинкой. За широким столом, сгорбившись, сидел плот-

ный мужичек, хмуро буравя нас единственным глазом. Второй был зашторен сурьмяным куском тканины. Настоящий пират. «Стеша», – сообразила я, кивнув ему как старому знакомцу. Мужичок сердито насупился и поспешил подняться из-за стола. Помятая рубаха предательски разошлась на рыхлом купеческом животе, демонстрируя наскоро завязанную веревку в поясе широких штанов.

– Пойду я, – деловито обратился он к знахарке, – Темнеет ужо.

Бабулька закивала и стала в спешке собирать ему котомку.

– Иди, иди, Кузьмич. Дай ка я тебя провожу малость. А вы, покамест, располагайтесь, одёжу скидайте. И к столу.

И вынырнула из светелки вслед за дедом. Енк устало выдохнул и увалился на лавку, с кислой миной потирая натруженную спину. Последнее время он только и делал, что жаловался на сращивание позвонков. Говорил, что даже голову отдельно от тела повернуть не сможет. Врал, конечно. Тролли вообще любят ныть и преувеличивать.

Рашаль заворожено оглядывал помещение.

– Настоящая знахарка! Никогда не встречал. Интересно, а она колдовать умеет, привороты там, болезни насылать? Исполохи снимать?

– Наверное, – равнодушно пожала я плечами. Хотелось спать.

Из-за печки вальяжно выплыла усатая морда, за ней показался и сам хозяин – черный как уголь кот. Мурлыкнул

что-то нараспев и прыгнул на шесток, норовя опустить лапу в котелок, пока бабка не видит.

–Ишь ты, пройдоха, –беззлобно замахнулся на него Рашаль.– Пшол, пшол, самим мало будет.

Кот покосился на неожиданное препятствие, презрительно фыркнул, но продолжать не стал, так и улегся на шестке, свесив когтистое оружие. Тяжелые тулупы сгрудили в углу подле рукомоЙника. Я с наслаждением обтерла лицо влажным рушником, освежила шею и руки, перетянула волосы алой лентой, чтобы не лезли на глаза, высоко на затылке. А Рашаль, не теряя времени даром, залез в печь по пояс и выудил оттуда потемневший хлебец. Если бы не приличия, мы давно бы поддались на уговоры желудков, засев повечерять.

–Гляди, кныш. Давно такой не едал. Мать любила готовить. Бывало...– и без спросу отломил добрую четверть.

–Ты чего? Не удобно же,– попыталась я усовестить мальчика, но тот только рукой махнул.

–Все равно его сразу харчат, прямо из печи, потом не то. Да, неплох, но у мамки моей все ж таки лучше был.

–А... уже и кныш нашли, – Старушка имела обыкновение появляться неожиданно, да так, что очередной кусок хлеба стал у мальчика поперек горла, надолго помешав ему связно изъясняться.– Ах ты! Придется новый лепить!

–А этот-то чего, тепереча осквернился?– наконец-то, припадая губами к бадейке с водой, выдавил удивленный мальца.

–Да нет, можешь доедать,– деловито разрешила бабулька и засуетилась, ставя на стол стопку мисок, вытаскивая из поставца деревянную дощечку, на которой аккуратной горкой лежали куски другого хлеба.

Это немного смутило паренька.

–А ... чего?– неуверенно зачесал он макушку.

–Дык, приворотный он, девке одной из городища пекла. Травки там сильные, на век присушат.

Остатки кныша с грохотом выскользнули на дощатый пол, а Рашаль так и остался стоять статуей, словно василиск над ним поработал. Даже Енк с жалостью и пониманием покоился на мальчика.

–Красивая хоть?– участливо осведомился троль у старушки.

–Ну, как сказать...

–И сколько мне осталось? – побледневшими губами пролепетал несчастный.

–Может и обойдется,– подала старушка надежду.– Не влюбишься, если её не увидишь. Она в городище живет, веселая такая девица. Да ты её сразу узнаешь, как встретишь: она, касатик, на правый глаз кривая. А так, справная. Да ты истуканом не стой, присаживайся. Гляди ка, я тебе бульончику налью, а то, поди, сухой кусок в горле застрял.

Малец отрешенно плюхнулся на лавку, зарекшись раз и навсегда совать нос в чужие печки. Я осторожно примостилась рядом.

–Бабушка, может вам помочь надо. Я быстро.

–Спасибо, деточка, только мне самой сподручнее. Век ведь одна живу, привыкла ужо. Хотя, если руки томятся, лучок покроши. На вот, гляди золотистый какой, словно братец Ярило.

Она протянула мне луковицу, одним движением пальцев смахнув с неё кожуру; положила на стол ножик с тонким лезвием, загибающимся книзу полумесяцем.

–Вот так и живу, бывает, и сама с собой разговариваю. Так и с ума сойти недолго, если б не Бася. Почешу ему за ушком, прижмусь к шерстке – все теплее. Да подруги иногда заглядывают, прядем вместе. Вы уж не серчайте, гостей не ждала. Что есть, то и отведайте.

Старушка зря беспокоилась, еда оказалась на удивление вкусной и сытной. Тушеное мясо, посыпанное измельченным лучком, вчерашний, но ещё мягкий хлеб и пареная репа, щедро политая топленным маслицем.

–Дайте ка я вам травок заварю, – счастливо глядя на то, как Енк вгрызается в белый ломоть, улыбнулась бабушка.

–Нет, травок не надо,– испуганно отрезал ученый малец.

–Да это ж не те травки. Эти силы восстанавливают, дорога то у вас длинная.

–Спасибо, бабушка. От травок мы не откажемся, нам бы только коней распрячь и покормить.

–Не беспокойся, детонька. Коней ваших я уже в клеть завела, корму им отсыпала, водицей напоила. Стоят, милень-

кие. Да вы сами поглядите, раз не верите.

Енк удивленно покосился на шуструю старушку, но про- верить не стал. Похоже, он даже в лавки не хотел больше под- ниматься, вразнобой блымкая отяжелевшими веками.

–Да ты, касатик, совсем притомился. Обожди. Сейчас на- пою вас, а там и спать уложу.

–А вы сами пить не будете?– осторожно заметил парниш- ка, когда перед ним возникла кружка с чаем, вкусно пахну- щим малинкой.

–Я – нет. Мне ещё, деточки, работать и работать, почитай всю ночь. А тут сонные травки, выпитесь, сил и прибудет.

Я понюхала дымящий напиток, так и есть: сушенная ма- лина, малиновые листики, сон-трава. У меня на родине её называли *Pulsatilla patens*. Видом своим она походила на ли- ловый махровый тюльпан, и росла на сухих песчаных хол- мах. Цвести начинала с середины весны, тогда то и надо бы- ло её собирать с утренней росой, с наговорами и обрядами. В полнолуние, когда вымоченная в холодной воде, трава начи- нала шевелиться, её клали под подушку и засыпали в стра- хе, но с надеждами, ибо обладала она пророческою силой, помогая видеть спящему добро и зло. Но чтобы вот так, в чай... Однако, опасности я не почувствовала и отхлебнула глоток. Малец последовал моему примеру.

–А чем вы тут, бабуля, живете?– спросил Рашаль, приме- ряясь к полатам и протяжно зевая.

–Да, милоч, тяжело нынче приходиться,– старушка сник-

ла, в одно мгновение сделавшись меньше. Словно высохший грибок над печкой, даже лицо сморщилось в беззащитно трогательную мину.— Раньше то я благодаря городским перебивалась. Град то у нас завсегда богатым было, и место здесь хорошее, людное. Купцы товары в Звенигород и Оркрест везут, у нас на ночлег останавливаются, осмотрятся, да и сами чего приобретут на продажу. А ремеслу гончарному это только на пользу. Я-то здесь, почитай, одна знахарка, так ко мне всегда загодя писались. Когда человеку сытно, так у него сразу другие потребности появляются: денежек побольше, отвороты, привороты чинить желание. И людям хорошо и мне польза. Токмо на перекрое Груденя шалости в городе начались.

—И что такое? Неужто, нечистая беспокоит? — Енк старательно трамбовал в глотку шестой кусок хлеба, насытившись лучину назад, но, положительно не доверяя собственным ощущениям.

—Ох, и впрямь, милоч! Совсем распоясалась. На жальнике подле дороги упыри завелись. Да затейливые такие: то девок голым видом страшат, то мальчика какого до смерти заиграют, то муку у добрых людей из амбаров потыряют!

—Муку?— удивился Рашаль этакой неслыханной меркантильности.

—Вот и я говорю, накой им, окаянным, мука то? Видать, плохие времена грядут, ежели нежить на муку нацелилась!— в священном ужасе прошептала старуха и ловко утерла за-

слезившиеся глаза краем платочка.— Вот так вот. А у меня оттого клиентов поубавилось, никто лишний раз из города носа не кажет!

—Да,— туманно рассудил Рашаль.— Упырей и я не люблю. Мы с Енком многозначительно отмолчались.

—Ну да ладно, что я все плачусь и плачусь. Вы уже совсем засыпаете. Дай те ка я хорхоряшки со стола смету.

Старушка собрала хлебные катышки в руку и, открыв за-слонку на печи, махнула их в пламя.

—Калинов огонь,— одобрительно цокнула она языком.— Самому Сварогу подношение. Да ты, милоч, не стесняйся, устраивайся на лавке, а парнишку я на полатях положу.

Енк и не думал стесняться, он давно уже бредил где-то между сном и явью. Только и успел стянуть рубаху, да правый сапог, когда стол, на который он уверенно опирался, с гулким грохотом рухнул на пол, рассыпаясь на вполне ещё справные дощечки. Мы застыли в немом изумлении, а бабушка только руками взмахнула.

—Ба..., ах стервец!

Троль немного опешил, но, когда понял, что хозяйка обращается не к нему, а скорее в сторону оконца, перевел дух.

— Обещался же приладить, да чтоб, как новый был! Так и знала, нельзя больше верить этому прохвосту! Сколько раз уже зарекалась поддаваться на его уговоры: «Давай, ну, давай, что-нибудь новенькое попробуем»,— передразнила она невидимого сластолюбца скрипучим голоском.— Эх, говори-

ла же ему, стол не для того!

Все, кто ещё мог внятно соображать, густо покраснели, представив крепенький бабкин зад вместо миски с кулешом.

—Я почию. Завтра,— виновато промямлил тролль.

—Спасибо, спасибо, милоч,— расцвела она.— А ты, касатка, не мнись, заходи в светелку, вот сюда, за занавесочку. Там на ларе и пристроишься. Я прясть буду, да с тобой погуторию.

Енк зычно хрюкал на лавке, подложив под голову ладони, словно ребенок; Рашаль постанывал на полатях. В печи сохли дровишки, принесенные с мороза. Вроде и не влажные, а заниматься огнем не спешили. От языков пламени не стену падали причудливые тени, словно ласкающиеся друг к другу. В гнилом углу шебуршила мышь, выказывая полное равнодушие ходячей мышеловке. Мне старушка постелила на сундуке в другой комнатке, а сама уселась перебирать мычку. Что почище, сажала на прялку, кострику же роняла на пол, где приминала ногой, чтобы не разлетелась по углам. Лучина чадила помаленьку, высвечивая крошечный островок, в середине которого мелькали ловкие бабкины руки.

—Бабуль, а с парнишкой ничего не будет? Я за приворот подумала.

—Да нет,— заверила меня прядильщица.— Его судьба в его руках. Ты лучше о себе пекись, деточка. Дорожка у тебя длинная, да уж больно узловатая.— Пряха отщипнула повесну, скрутив пальцами тонкую нить, и приладила к веретену. Веретенце прыгнуло и одобрительно завертелось.— Погляди,

ровно эта нить: то истончается, но не то, чтобы рвется, а только крепче становится. То рыхленько идет, кажется, даже толще, а н нет – слабое место. Так и судьба твоя складывается, то, что видишь, не вся правда. Чувствовать надо, куда на развилке свернуть.

–А чтож я могу, бабушка?– сонно заметила я.– Судьбу себе не выбирают.

–Верно,– благодушно согласилась пряха.– У нас говорят: «Лентяй лежит, а Бог для него долю держит».

Лучина пугливо дрогнула, и старушка поспешила отодвинуть её подальше, чтоб не потухла от дыхания.

–Только не совсем так. Вот гляди, я пряжу пряду: какую захочу, такая и выйдет. Я здесь хозяйка. Да только бывает, что мелочь, соринка на пальцы попадет и, ненароком, в нить вплетется. И воля твоя есть соринка в Его руке, крохотная, но для пряжи значимая. А ежели ты силу свою поймешь, то сможешь на равных с Ним быть, рука об руку.

–А как же мне силу свою понять?– разговор становился странным. Неужели она знает обо мне?

–В себя загляни,– увещевала тем временем старушка.– Кто ты есть? Почему ты такая, какая есть? Ведь кому больше дано, с того и спрос другой.

–Эх, бабушка, что вы можете знать о моей жизни? А то, что мне дано, принесло только боль и муки. Презрение и страх,– почему мне хотелось быть откровенной с этой доброй женщиной? Такой откровенной, как не позволяла себе

ни с кем другим.

– Не гневи богов, милая. Слышала ли ты о птице Гамаюн или птице Сирин? У нас много преданий, неужто не слышала?

– На моей родине гарпий презирали и боялись, а значит, старались уничтожить. Один Вергилий чего стоит, с его «мерзкими смердящими тварями».

Старушка участливо покачала головой.

– От страха люди жестокими становятся. Чернобог такими сделал. Но ты – другая, и тебе нужно учиться жить в мире с собой. Найди добро в своем сердце – хрустальную светлую стрелу. Много вокруг несчастий и зла, а ты противься, не унывай. Добро надо делать, пусть иногда кажется, что лучше в стороне отстоять. Добрые дела дорогу меняют. Так еще моя матушка говаривала.

И тепло заглянула мне в глаза, словно пыталась там что-то отыскать. Она говорила так, словно знала обо мне все.

– А какая у меня дорога, бабушка? – зачем-то спросила я. Что, в сущности, она могла знать? Знахарка, не провидица же. Хотя, чем фавн не шутит!

– Отколь мне ведать? Не я твою судьбу пряла. Ты у Него спроси, – шепнула старуха и ткнула пальцем куда-то очень неопределенно, на печку, что ли. – Божья воля!

Пламя в печи словно услышало, отозвалось, окрашивая бревна потолка таинственным светом. «О Свароге она, что-ли?» – вяло подумала я. Бася, сытый и вальяжный, грелся у

ног хозяйки, мурлыча в усы. Бабушка оторвалась от работы, и ласково погладила кота по голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.